

Наталья Юрай

Пятый дар Варвары

18+

Наталья Юрай

Пятый дар Варвары

<https://litres.ru/73847978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Россия середины XIX века. Восемнадцатилетней Варваре Шупинской предстоит выйти замуж за старого друга отца, чтобы спасти себя и своих родных от надвигающейся бедности. Однако девушка не так проста, как кажется на первый взгляд. В детстве Варя чуть не погибла, и спас её от смерти шаманский обряд, после которого девочка обрела необычные способности. Годы спустя ей предстоит окончательно осознать и принять силы, переданные таинственной бабушкой, научиться пользоваться своим даром. Кроме того, Варвара должна стать достойной женой человека, которого совсем не знает, и настоящей хозяйкой огромного поместья. Сумеет ли девушка полюбить своего мужа, и как сложится её жизнь на новом месте?

Содержание

ЧАСТЬ I. Тайна Студёной	4
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	42
ЧАСТЬ II. Дунины посиделки	52
ГЛАВА 1	53
ГЛАВА 2	64
ГЛАВА 3	79
ГЛАВА 4	92
ГЛАВА 5	104
ГЛАВА 6	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Наталья Юрай

Пятый дар Варвары

ЧАСТЬ I. Тайна Студёной

Александр Шупинский стоял у большого камня и смотрел на свои окровавленные трясущиеся руки. Почему судьба решила взыскать с него за удачу именно сегодня и именно так? Эргейка-хромой, местный толмач, бежал к нему, слегка припадая на правую ногу. Его широкое скуластое лицо не выражало никаких эмоций, и Александр немного успокоился: ещё жива!

— Ну что? Что сказал?

— Хорошо, саказал. Духи помогут, саказал. Табака больше давай, саказал. Ружье новое давай, саказал.

— Дам, дам, лишь бы помог!

— Поможет, саказал! – закивал толмач.

В тридцати метрах от них, затерявшись между редких сосен и огромных валунов, рассыпанных у подножия сопки, раскинулась большая пестрая яранга, сшитая из разномастных оленьих шкур. Шаман смотрел на белокурую девочку с разбитой головой и что-то бормотал себе под нос. Дочь богатого человека упала со скалистого уступа, и теперь духам решать, оставлять ли её в верхнем мире или отпустить к лю-

дям. У самой стенки яранги тихо угасала Кийта – шаманка из его рода, чья судьба тоже решалась верхними. Старик пососал трубку, выпустив облако целительного дыма, взял бубен и волчью лапу. Много табака – хорошо. Ружье – хорошо. Он попросит, он красиво попросит духов, он споёт им нужную песню...

Противный запах резко ударил в нос, и Варя распахнула глаза, испугалась: обстановка ничем не напоминала походную палатку отца. Девочка повернула голову и встретила взглядом с очень старой местной женщиной, лежащей напротив. Совершенно седые волосы её были разделены на пробор и заплетены в две косички, начинающиеся у самых висков. «Как маленькая!» – подумала Варя, а старушка удивленно подняла брови и улыбнулась очень ласково, словно желая ободрить и согреть. Между ними в воздухе повисла тонкая светящаяся нить – девочка могла бы тронуть её, если бы захотела, но не успела. Шаман завыл и ударил в большой бубен, пожилая женщина закрыла глаза, и нить рассыпалась на десятки золотых солнечных зайчиков, запрыгавших по лицу Вари. Шаман заметил их, нахмурился, опять что-то пробормотал, раздосадовано махнул рукой и продолжил свой странный танец. Девочка разжала ладошку и поднесла к затуманенным от боли глазам – на влажной коже блеснули пять золотых искорок, подарок тёплой бабушки.

ГЛАВА 1

— Барышня, проснитесь! – прошептала горничная Глаша над ухом Варвары Александровны Шупинской, сладко дремлющей на уютном мягком плече верной камеристки.

— Варвара! – громко обратилась к племяннице Анастасия Григорьевна фон Бедкен, в девичестве Шупинская, представительница древнего дворянского рода, женщина сорока пяти лет, сочная как наливное яблоко.

Варвара вздрогнула, и сон, такой реальный, с запахами и звуками, со гудением шаманского бубна, растворился в холодном воздухе. Старушка со смешными седыми косичками снилась ей только в самые важные моменты жизни, предупреждая о грядущем. Девушка плотнее закуталась в лисью шубку, покрытую зелёным бархатом – карета была старой и тепла вовсе не обеспечивала.

— Подъезжаем, тебе нужно привести себя в порядок! Князь Тумановский как человек старого уклада неодобрительно отнесется к небрежности, голубушка! Глафира, умыться барышне!

Горничная постучала в стенку, приказав кучеру остановиться. С облучка послышалось кряхтение, и старик Степаныч осадил лошадей.

Из большой, оплетённой ивовым прутom бутылки в битую жизнью медную миску была налита холодная розовая вода,

и младшая Шупинская, скинув шубу на руки служанке и оставшись в одном сером шерстяном платье, принялась смыть следы пребывания Морфея со своего лица.

Зарывшись носом в большую бобровую муфту – подарок покойного мужа, Анастасия Григорьевна придирчиво осматривала гибкий девичий стан, похожий на песочные часы, густые, необычайного орехового оттенка волосы, чистую, но слишком загорелую, по меркам приличного общества, кожу и в который раз восхитилась глазами цвета болотной тины, слишком колдовскими, вызывающими мгновенную, хоть и быстро проходящую оторопь. Варвара имела неприемлемую для девиц своего возраста привычку впирать в собеседника пристальный взгляд, действие коего давно знала вся прислуга, не раз битая за пособничество баловству. Но сопротивляться магнетическому действию этих очей мог только необычайно стойкий человек. Анастасия Григорьевна именно такой и была.

Морозный воздух бодрил, и Варя, предвидящая взбучку от тётушки, совершенно по-плебейски раскинула руки в стороны и сладко потянулась, в таком положении и оставшись. Мимо, обходя карету по ниже расположенной тропке, возбуждённо переговариваясь и совершенно не обращая внимания на остановившихся путешественников, шли несколько мужиков, самый первый из которых, одетый в длинный овчинный тулуп и надвинутую по самый нос шапку, нёс на руках женское тело в одной рубашке, вероятно, утопленни-

цу. Картина была страшной и завораживающей одновременно: рубашка на женщине стояла колом, застывшие на морозе мокрые волосы не свисали, а торчали острой сосулькой в сторону ног мужика, ибо голова несчастной была запрокинута и широко распахнутые глаза скользили невидящим взглядом по замершим девушкам. В сердце Вари словно кольнули раскаленной иглой, горячие волны прокатились по всему телу.

— Богородица-заступница! – зашептала Глафира, не имеющая возможности перекреститься – руки бы заняты. – Это что же?! Спаси и сохрани!

— Утопла? – громко и с сочувствием спросил Степаныч мужиков.

— Черти в Студёной заиграли! – глухо, но без неприязни отозвался один из крестьян.

— Добрый человек, коли за обиду не сочтёшь: далеко ли до усадьбы Тумановских?

Крестьянин поотстал от товарищей и, внимательно оглядев Варвару и Глафиру, стянул с головы шапку, поклонился барышням и вполне доброжелательно ответил вознице:

— Дык, мил человек, с полверсты ещё. Чутка влево дай и вдоль Студёной с молитвой и поезжай, там ужо недалече. Храни вас бог! – крестьянин ещё раз поклонился и поспешил догнать печальную процессию.

— Спаси тебя бог! – громко ответил Степаныч.

— Варвара! – тёткин голос второй раз за полчаса вырывал

девушку из оцепенения. — Сейчас же садись в карету!

На ходу просовывая руки в рукава шубы, Варя поспешила на зов грозной родственницы. Глаза утопленницы никак не шли из головы. Ужас застыл в них навечно. Ужас и разочарование.

— Слыхали, барыня? — быстро заговорила Глаша, обращаясь к Анастасии Григорьевне. — Помолясь, мол, мимо речки-то! Вона как! Точно черти озоруют, господи прости! — горничная перекрестилась. — Недоброе какое место, барыня, ой недоброе!

— Прекрати, Глафира! Не то продам тебя Хрюковым в услужение, допричитаешься!

— Барин Александр Григорич мне вольную о прошлом годе дали! — обиженно парировала горничная, но всё же замолчала.

Сказать по правде, Глаша, как и все остальные слуги Шупинских, Анастасию фон Бедкен заслуженно уважала и немного боялась. О крутом нраве барыни ходили легенды, по большей части являющие собой весьма приукрашенные реальные факты. Вышедшая замуж по большой любви за подполковника от кавалерии Карла фон Бедкена, Настенька Шупинская родила шестерых детей, троих из которых похоронила во младенчестве, и прибрала к рукам не только всё хозяйство, но и самого мужа, который до последних дней своих называл жену ангелом и баловал по поводу и без повода. К сожалению, пагубная страсть супруга к азартным иг-

рам привела некогда процветающее семейство к почти полному разорению, подполковника к отставке и скоропостижной смерти во время очередной ночной попойки, а Анастасию Григорьевну с сыновьями в скромный дом брата. Она и здесь навела идеальный порядок, выкручиваясь из самых затруднительных финансовых ситуаций, жёстко контролировала обучение детей, не позволяла светскому обществу забывать про себя и Александра, словом, стала незыблемой опорой всему семейству.

Сейчас Анастасия фон Бедкен решала очередную стратегическую задачу – везла племянницу к старому другу брата, князю Петру Тумановскому, которого ни разу не видела в глаза. Её горячо любимый Саша, уже тяжело болевший, написал тому письмо, прося поддержки для собственных детей и семьи сестры. Анастасия не верила, что кто-то добровольно взвалит на себя подобное ярмо, но ответ пришёл быстро и изрядно удивил. Пётр Кириллович великодушно принимал на себя заботу о родственниках товарища, более того, он сделал ошеломительное предложение – взять Варвару Александровну в жёны, тем самым обеспечив ей достойное существование. Такой шанс выпадал лишь единожды в жизни, и Анастасия в кратчайшие сроки устроила поездку к жениху. Всю дорогу тетка старалась избегать разговоров с племянницей, потерявшей сначала горячо любимого отца, а затем и приданое, пусть и не слишком завидное. Александр немисливо избаловал дочь, и нужно было скорее отдать её в

руки серьезного мужчины, чтобы более не ждать от Варвары очередных непозволительных выходок. Женщина вздохнула: последний скандал с этим старым развратником Волынским окончательно поставил крест на светской жизни семьи в N-ске. И хотя брат и кузены Вари стояли за неё горой, Анастасия знала, что грязные сплетни намертво прилипли к племяннице. Оставалось надеяться, что до сидевшего безвылазно в своем имении Тумановского они не дойдут или дойдут много позже венчания.

Варя рисовала пальцем по заиндевавшему снизу стеклу. Тяжело гружёная карета двигалась медленно и, когда завернула на дорогу, пролегающую параллельно застывшей во льду речке, сильно накренилась. Степаныч ругнулся, прикрикнув на лошадей.

— Красиво как! – прошептала девушка.

Студёная и вправду была прекрасна. Дальний высокий обрывистый берег, укрытый плотной шапкой заснеженного леса, выпускал на передний план величественные корабельные сосны, кое-где перемежающиеся темными елями. Ближний же был пологим, спокойным, и только раскиданные кое-где кусты и невысокие деревья нарушали монолитность снежного покрывала. Всё это природное великолепие сверкало на солнце, искрилось и было похоже на вотчину Морозко. Варя улыбнулась и тут же отшатнулась от окошка кареты – вплотную к стеклу припало бледно-синюшное лицо утопленницы.

— Не я! – крикнула она и растворилась в воздухе.

Сжав кулаки и переведя взгляд на носки теплых башмачков, виднеющихся из-под подола, Варвара постаралась успокоиться. Чего доброго, тетушка опять ударится в скандал и таки пригласит священника отчитать бесноватую племянницу, как уже не раз грозилась. Прагматичная Анастасия Григорьевна в потустороннее не верила, полагая, что всё это блажь и досужие выдумки. Однако поведение Вари её несколько раз серьезно пугало, и, хотя брат не позволял сестре принимать какие-то меры для спасения заблудшей души, женщина твёрдо решила избавить Варвару от подобной дурри и требовала от девушки не демонстрировать на людях «непозволительные фокусы». А уж когда произошёл последний конфуз, и вовсе пригрозила монастырём.

— Я полагаю, нет нужды напоминать тебе о приличиях?

Тётя точно умела читать мысли. Варя вздохнула и замотала головой: ещё чуть-чуть, и жизнь её безвозвратно изменится.

— Нечего ресницами хлопать, щеки пощипай для румянцу! – вздохнула строгая родственница: Варвара Шупинская совершенно не умела подать себя скромною и разумной девушкой.

— Прошу тебя, нет, я тебя умоляю! – патетика в голосе Анастасии достигла высшего уровня: — Веди себя подобающе! Помни об офицерском месте для брата и будущем кузенов! О себе в конце концов!

Красивые болотного цвета глаза потемнели – Варя в оче-

редной раз мысленно ругала себя за дикую выходку с графом Волынским, стоившую ей слишком дорого. Зловредный старик в отместку распустил слухи о бедственном положении наследницы известного путешественника и картографа Александра Шупинского. Кредиторы только и ждали скандала и сорвались как с цепи. В неделю из скромного особняка на Береговой улице большого уездного города N-ска были вынесены все мало-мальски ценные вещи, вольные слуги были рассчитаны, почти все дворовые крепостные ушли в счёт уплаты долга, а тётушка спешно собиралась в дорогу. Воспоминания заставили содрогнуться, но Варя сейчас думала об утопленнице. Мёртвые являлись к ней часто, но девушка не понимала за какой надобностью, и что с этим делать. Она научилась принимать внезапные встречи философски, как налетевший ураганный ветер или обложной ливень. Растревожить её кровью или видом мёртвого тела было нелегко: в отцовских экспедициях они с братом насмотрелись всякого. Но если раньше призраки, за редким исключением, скользили мимо еле заметными видениями, тут же растворявшимися в воздухе, то утопленница обратилась к Варваре, и вот это-то и пугало.

— Приехали, барыня! – громко сообщил Степаныч, и Варя прильнула к окну.

Карета остановилась у высоких решетчатых ворот, приглашающих гостей на широкую, обсаженную деревьями аллею, ведущую, по всей видимости, прямо к крыльцу. Никто

не ждал их прибытия, Степаныч, охая и ворча, спустился с облучка и развёл в стороны тяжелые створы. Вскоре они увидели, что довольно продолжительная аллея выходит на обширный, выложенный брусчаткой и очищенный от снега двор. Посередине высился круглый фонтан с тремя дельфинами, собранными в «букет». Перед взорами гостей красовался вычурной стилизацией под античность великолепный портик — шесть колонн горделиво высились над крыльцом и держали на себе довольно лаконичный в своём декоре фронтон. Дом Тумановских впечатлял.

— Батюшки святы! — восхищённо ахнула Глафира, нахватывая в руки шляпные коробки, узелки и саквояжи. — Это ж сколько здесь комнат? А прислуги?

— Не твоего ума дело! — строго приструнила зазевавшуюся горничную Анастасия Григорьевна и ещё раз осмотрела племянницу. — Боже мой! Неужели нельзя придать лицу более любезности?

Варя натянуто улыбнулась, тётка вздохнула и, манерно подхватив подол, двинулась к крыльцу. Навстречу ей, заливаясь звонким лаем, выскочили два белоснежных пушистых волка. Анастасия фон Бедкен зычно крикнула:

— Не смей!

Крупные звери, слегка обескураженные подобным поведением, обогнули неприветливую даму и перенесли свое внимание на Глафиру и Варю.

Горничная высоко подняла багаж и завизжала, а её моло-

дая хозяйка, напротив, засмеялась и, выставя перед собой руки, пыталась удержать животных на расстоянии, при этом стараясь погладить.

— Зевс! Афина! – громкий приказ буквально сорвал белых волков с места, и они помчались к хозяину — высокому темноволосому мужчине в суконном то ли сюртуке, то ли пальто.

— Любезный! – подала голос Анастасия Григорьевна. – Не могли бы вы держать своих чудищ при себе?

— Тётя, – весело проговорила Варя, – это просто собаки!

— Уж в собаках-то я разбираюсь, душа моя. Такого-то ни в легавых, ни в гончих, ни в левретах не видывала. Это волки! Дурная манера встречать подобным образом гостей!

Мужчина, которому на вид можно было дать лет двадцать пять – тридцать, уже спускался к ним с крыльца. «Должно быть, управляющий», – подумала Варя, и сердце её в тот же миг ухнуло вниз. Незнакомец улыбнулся широко и радушно, но с легкой хитрецей. В эту-то улыбку, а вовсе не в человека, Варвара Шупинская немедленно и совершенно неразумно влюбилась. И если можно было бы отделить эти прекрасной формы губы от всего остального и написать их эмалью в небольшом медальоне, девушка не задумываясь стала бы носить его талисманом на груди.

— Мы прибыли по приглашению князя Тумановского и рассчитывали на приём другого рода! – тётушка боролась за место под солнцем в стиле подполковника кавалерии. – Здо-

ров ли князь?

Хозяин белоснежных собак и обворожительных губ вежливо поклонился и совершенно непозволительным образом проигнорировал вопрос:

— Мы ждали вас не ранее трёх пополудни, сударыня, но будьте уверены, гостеприимство этого дома приятно вас удивит. Прошу! Харитон! — крикнул он, и на крыльце тут же появился плотный мужчина средних лет в ливрее мажордома. — Вели проводить дам в отведённые комнаты и заняться лошадьми!

Анастасия Григорьевна высокомерно хмыкнула и, слегка нахмурившись, последовала за Харитоном и выбежавшими служанкам, одетыми в одинаковые форменные платья, чепцы и передники.

Нельзя сказать, что дом был излишне роскошен внутри, но во всей обстановке видна была элегантная простота, свойственная натурам небрежным в отношении мнения общества и отдающим предпочтение тем вещам, кои приносят удовольствие прежде всего хозяйскому глазу. Комнатой свою госпожа фон Бедкен была довольна чрезвычайно, хотя виду расторопным и услужливым горничным не показала. Сообщив прислуге, что намерена пару часов отдохнуть от дороги, она заказала горячего чая и рюмочку чего-нибудь крепкого, но дамского.

А вот Варя не успела осмотреть комнату как следует, она и прилегла-то всего на минуточку...

— Не я! — шептала несчастная утопленница, трогая спящую за щёки холодными мокрыми руками. — Не я!

— Что не ты? — переспросила девушка, пытаясь не вдыхать тухлый речной запах.

— Не я прислуживала, вот и не досмотрели. Виданое ли дело, барышня в башмачках в постелях почивают! — Глаша отняла руки с влажным полотенцем от лица хозяйки. — Жар немножко унять! Натоплено, — объяснила она свои действия, укрыла хозяйку толстым одеялом и подхватила снятые с Вариных ног башмаки.

— Велели передать о седьмом часу в гостиной ждать будут.

— Кто?

— Князь, барышня. Жених ваш, — горничная закусила губу. Отдать такую цветущую, ещё не засидевшуюся в девках девушку незнакомому старику, значит, сердца не иметь. Но не иметь денег и дома — ещё хуже. Глафира вздохнула.

Что-то сонно пробормотав в ответ, Варя повернулась на бок и снова уснула. Через стенку от неё мерила комнату шагами тётушка, которая уснуть так и не смогла. Брак Варвары с Тумановским станет истинным спасением для всей семьи. Владимир Шупинский при содействии зятя теперь сможет определиться в драгунский полк, сыновья самой Анастасии приобретут со временем достойное положение в обществе и найдут себе, наконец, богатых невест. Шутка ли — ходить в родне у самих Тумановских! А что до возраста жениха, то,

судя по всему, ему примерно столько же, сколько было Саше. Не такой уж и старый. Прожил достаточно, опыта и умения достанет, чтобы усмирить взбалмошную и своевольную жену.

ГЛАВА 2

Ужин состоялся не в том составе, на который рассчитывала тётушка.

— Его сиятельство по делам отлучились. Велели приступить без него!

С Харитона, подумала Варя, можно было писать какого-нибудь римского императора, столь надменным сейчас было его лицо. Анастасия Григорьевна была фактом отсутствия князя весьма озадачена, если не оскорблена. Не приживалки они пока, чтобы их не встретить и бросить одних за ужином. Но женщина удержалась от каких-либо замечаний: в конце концов не выгоняют же! Да и племянница выглядела весьма расстроено, зачем добавлять бедной девочке сверх меры.

— Повар у князя весьма искусен в своем деле, не так ли Варенька?

Удивленно вскинув брови, Варвара уставилась на тётю. Уменьшительно-ласкательные имена у родственницы не были в ходу.

— Да, тётушка, все очень вкусно! – согласилась девушка и смело обратилась к Харитону. – А можно ли попросить чаю, любезный?

— Чай у нас заведено пить в малой гостиной или вот за чайным столом. Пожалуйте, барышня, сейчас же подадим!

Их провели в отделанный серым шёлком эркер и помогли усесться за небольшой круглый столик.

— Сколько церемоний! – ворчала тетушка, а Варя теперь рассматривала большую гостиную с другого ракурса.

Трудно было поверить, что после венчания она станет жить в этом огромном и каком-то безлюдном, по сравнению с её родным, доме. Хотя, если подумать, то множество комнат помогут супругам встречаться реже. Петр Кириллович Тумановский, как успела выяснить и рассказать Варе Анастасия Григорьевна, был из старого польского княжеского рода, угнездившегося в России ещё со времён Смуты. Остальным девушка не интересовалась, однако была уверена, что князь стар – если отец скончался на сороковом году жизни, стало быть, и другу его около того или больше. Двадцать с лишним лет разницы пугали Варю, привыкшую видеть во многих людях старше себя недовольство нынешними порядками, скряжистость, верность старинным устоям. Но одно дело встречать подобное в кругу знакомых или завсегдатаев балов, а другое – выйти замуж за ворчливого старика. Тётушка живописала замужество красочно, но всегда делала упор на долге, обязанностях, заботах и непрерывной суете в попытках сделать жизнь семейства лучше и достойнее. Варвара вздохнула. Чай, однако же, был чудесным – с тонкими нотками жасмина, бодрящий. Она взглянула в чашечку из тонкого костяного фарфора и судорожно сглотнула: давешняя утопленница смотрела с донышка, и волосы её

колыхались в чае от мелкого дрожания Вариных рук.

— Покорнейше прошу извинить, сударыни! Безотлагательные дела заставили меня столь негостеприимно оставить вас в одиночестве, — через всю большую гостиную к женщинам шагал их новый знакомый, встретивший давеча на крыльце, одетый в этот раз дорого и, что называется, по чину. — Однако же позвольте загладить свою вину и, наконец, представиться!

Тётя закашлялась, а Варя с трудом подавила желание встать и похлопать её по спине, затянутой в черный муар. Собаки вбежали следом за хозяином, но кто-то из слуг перехватил их и заставил сесть.

— Имею честь, Пётр Тумановский! — князь поклонился и выжидательно посмотрел на Анастасию Григорьевну.

Та, покрасневшая от кашля, совершенно неловко встала и, слегка присев в книксене, сдавленно проговорила:

— Анастасия фон Бедкен, а это моя племянница, дочь покойного брата — Варвара Александровна Шупинская.

Варя вскочила резвее, чем следовало и ожидаемо опрокинула чашку на пол. Но вопреки законам физики, богемский фарфор чуть замедлился перед падением, и драгоценная посуда лишь слегка покачнулась, приземлившись. Тётка сдвинула брови, и Варя отругала себя за неуклюжесть и несдержанность. Знакомство выходило скомканным, однако Пётр Тумановский улыбнулся и предложил девушке руку:

— Не могу высказать, как приятно видеть столь утончён-

ных особ в моём отшельническом углу!

Варя оценила иронию. Да, ей, порывистой и подвижной, иногда тяжело давались манеры, принятые в обществе. Она умела ездить верхом, стрелять из пистолетов и английских ружей, отлично плавала и разбиралась в географических картах. Отец научил её сносно рисовать, потому что именно талант рисовальщика позволял Александру Шупинскому со скрупулезной точностью передавать в своих зарисовках красоты пейзажей, лица людей, самобытные строения народов Севера. Варя знала, как нужно навьючивать лошадь, чтобы при дальнем перегоне тюки не съехали со спины животного, как закрепить палатку, чтобы не снесло ветром, и как отличить хороший нож от плохого. Володя часто вслух жалел, что сестра не родилась мальчиком, прекратив подобные речи лишь тогда, когда, вернувшись из очередного летнего трехмесячного путешествия с отцом, в которое Варю не взяли, встретил в дверях не угловатую худенькую девчонку, а очаровательную девушку, вытянувшуюся и похорошевшую. С тех пор и брат, и кузены относились к ней с нарастающим обожанием, никогда больше не предлагая украсть яблок с прилавка торговли или пуститься в запуски до колокольни. А отец, осознав, наконец, что растит чью-то будущую невесту и жену, передал дело воспитания наследницы целиком в руки сестры. Но Анастасия Григорьевна навела лишь внешний лоск, так и не сумев пробудить женское начало в племяннице. Впрочем, и лоск держался некрепко. Варя периодически

попадала впросак в тонких вопросах этикета, что, ввиду её молодости, пока выглядело вполне невинно и даже в чём-то очаровательно.

— Не желаете ли познакомиться с домом? — князь Пётр внимательно смотрел на задумавшуюся девушку, которая ответила не сразу, а лишь после едва заметного тётушкиного тычка в бок.

— О! Конечно, ваше сиятельство! С удовольствием!

Собственное положение тяготило Варю, она чувствовала нечто неприличное в том, что её откровенно предложили в жёны. Да и князь оказался вовсе не стариком, а молодым мужчиной, который улыбкой своею смущал девушку безмерно. Кроме того, утопленница всё ещё мерещилась в каждом углу и даже в драпировке гардин.

— ...сиятельный князь Потёмкин вручил ему эмалевую табакерку, — Тумановский замолчал, ожидая хоть какого-то ответа, и тётка снова пребольно ткнула племянницу в бок.

Они стояли перед огромным — в человеческий рост, портретом какого-то важного предка. Предок был пузат, неказист, но высокомерно взирал на гостей со стены.

— Какая честь! — слишком воодушевлённо выпалила девушка. — Не всякий удостоится столь высокой оценки своих... своей...

— Табакерку я вам обязательно покажу, а пока позвольте откланяться! — внезапно заявил князь, кивнул застывшему в конце коридора запыхавшемуся слуге и обратился к Ана-

стасии: — Могу ли я предложить вам побеседовать сегодня в библиотеке? Полагаю, нам есть что обсудить. А пока прошу меня извинить, срочные дела! — и скорым шагом отправился к ожидавшему его человеку.

— Это неслыханно! — возмущенно прошептала фон Бедкен. — Унизительно! И всё ж таки, Варя, ты не должна обращать внимания на поведение князя. Вероятно, дела и в самом деле неотложные. Мужчины живут другим заботами, куда более серьезными, чем наши, моя милая. Идём же, нам стоит осмотреть дом самим!

Но Варвара не трогалась с места: утопленница вновь возникла перед нею, на этот раз сжав ладонями белую с голубыми прожилками замерзших вен шею. Затем мёртвая девушка вытянула руку в сторону окна и прошептала:

— Не я! Он убил! Платочек!

— Какой платочек? — дёрнулась Варя.

— Что ты говоришь? Ах, ты опять за прежнее! — вскричала расстроенная Анастасия Григорьевна, наткнувшись на отсутствующий взгляд племянницы. — Думаешь, я не заметила историю с чашкой? Надеюсь, князь записал увиденное на счёт хорошего качества фарфора. Варвара, ты должна прекратить свои фокусы! Мало тебя звали ведьмой дома? Таких как ты предают анафеме, милочка!

— Да, тётя, как прикажете!

— Скажите, какое послушание! Надолго ли?

Остаток вечера Варе предстояло провести в своей ком-

нате. Девушка с большим удовольствием забралась с ногами на диван и задумалась. Пётр Тумановский оказался гораздо моложе, чем они с тётей ожидали, и весьма приятной наружности, если не сказать красавец. Обладатель тёплой и располагающей улыбки был высок, крепок, пропорционально сложен и имел осанку истинно княжескую. Волосы князя цветом походили на густой горячий шоколад, который Варя привелось отпробовать по случаю кратковременного путешествия в Петербург. Ясный взгляд тёмно-карих глаз располагал к себе, а подвижные густые брови добавляли выразительности лицу классических пропорций. Должно быть, он осознавал свою привлекательность и бессовестно ею пользовался. Подобного типа мужчин Варя сторонилась. Ловеласы были не в чести ни у отца, ни у тетушки.

Тихо притворив за собой дверь, вошла Глаша и тут уже принялась щебетать о том, что смогла разузнать.

— Ой! — вдруг всплеснула она руками. — В девичьей скажут, утопшая сама на себя руки наложила. Позору не снесла. Да и видано ли девице незамужней с кем-попало путаться. Только шепчут, что она передумала. Топиться-то. Да только чёрт из воды вышел и утянул! Видели люди чёрта-то. Страшный, косматый! Раз уж бесу просватана, то с ним и уйдёшь хоть в речку, хоть в лес. Не отвертишься!

— Что ты? — в голове нарастал звук, подобный глухому комариному писку, он был знаком Варя с детства. — Как сама? Какой чёрт?

— Да тот самый, что в этой Студёной отродясь живёт и людей губит! А и вправду сказать, барышня, кто её замуж взял бы? Разве голь какая. Закопают за кладбищенской оградой, матери с отцом сколько горя, ох.

— Это не она. Когда закопают?

Глафира резко обернулась, внимательно глядя на хозяйку.

— Так завтра и закопают, поди. Чего тянуть-то! – цепкий взгляд горничной следил за Вариным лицом. – Не то сходить, разве, разузнать?

Варе не нужно было притворяться перед служанкой. Глаша слишком часто была свидетельницей странностей, происходящих с хозяйкой. Горничная приняла их и даже свыклась, взяв на себя обязанность оберегать Варвару Александровну.

— Разузнай, Глашенька!

— На кухне и разузнаю!

— А деревня далеко? Не помню, проезжали мы её или нет...

— Так чуть поодаль речки этой Студёной! Да и зовётся так же. Ветры, говорят, здесь злые веют, даже летом избы выстуживают. А речка-то и летом холодная, даже лошадей не на неё, а на озера купать водят.

— Это ты всё на кухне вызнала?

— А где же ещё, барышня? Прислуги-то мало ходит по домине этой, перекликаются. Вот и собираются на кухне, пока барин в отъезде. Не злой.

— Кто? Дом?

— Барин, Пётр Кириллович.

— Ну, тут я бы с тобой поспорила! — Варя задумчиво расчёсывала волосы старинным деревянным гребнем.

Князь вернулся почти ночью, и Варвара ещё слышала, как к нему позвали тетушку, но, когда Анастасия Григорьевна вернулась в свою комнату, уже крепко спала.

Утопленница сидела на краю постели:

— Прибирала я половики выбитые. Утянул в подклеть, одежду сорвал, платочек, батюшкой дарёный, на руки повязал. Снасильничал. Больно... А как стала кричать, что донесу про него, придушил. На плечо и до проруби. Страшно в воде... Темно... Холодно... Платочек-то в кармане у него. Приметный платочек-то, с ярманки...

Перед глазами всё стояло печальное лицо погибшей. Глубоко вздохнув, Варя села на кровати, подтянула к груди и обняла колени. Никогда ещё мёртвые так настойчиво не донимали её. Слизнув капельки пота над верхней губой, девушка встала и на цыпочках добежала до окна. Нельзя, чтобы жертву насильника похоронили как собаку. Несправедливо это!

Зимний день только-только начинался. Утреннее солнце просвечивало насквозь загадочные морозные узоры на окне. Варя быстро оделась и, когда Глаша тихонько, чтобы не разбудить хозяйку, вошла в комнату, была уже готова. Горничная аккуратно разложила на стуле выглаженное платье. Не

сдержавшись, Варвара ухнула по-совиному.

— Да что вы, Варвара Александровна, как дитя, ей богу!
— Глафира была воробьём стреляным, и давно смекнула, что к чему, даже не вздрогнула. — Какую затею задумали?

— Нам нужно в деревню!

— Как скажете, барышня, но не поедем.

— Это почему ещё?

Глаша подошла очень близко и почти прошептала, словно их подслушивали:

— Утопленницу домой принесли, так местные мужики перепились, да и порешили девку чертям в Студёную вернуть!

— Зачем? — округлила Варя глаза.

— Мол, придут всё одно за нею, бесы-то! Придут и добрых людей заодно с собой в Студёную утянут. А деревенский люд дикий, вой подняли, что чёртову невесту обратно в прорубь надоть. Вот Петр Кириллович и поехал порядок наводить, — голос Глаши стал ещё тише. — Порол, говорят, собственноручно зачинщиков.

— Порол?

— Угу.

— Что же у них, церкви нет, батюшка-то где был? Ему полагается народ в таких делах увещевать!

— Кто ж знает.

— Значит, похоронят девушку сегодня, как и было условлено, да?

— Барышня! Нельзя в деревню! Вдруг опять всколыхнётся народ-то!?

— Ты же сама говорила, что князь зачинщиков выпорол, стало быть, сегодня они точно ходить не смогут. Ну?

— Ай, что вы со мною делаете, барышня! – взмахнула Глафира руками и выбежала из комнаты.

До деревни они добрались довольно быстро, дольше Степаныч запрягал. По приметам, выведенным Глашей у других служанок, нашли и крепкую избу, в которой жила до своей смерти утопленница. Варя собралась с духом и постучала. Заплаканная женщина отворила дверь и непонимающе кивнула головой, обречённо соглашаясь с чем-то.

— Здравствуйте. Я гостя князя Петра Кирилловича, Варавара Шупинская. Мы... Я... Мы видели вашу дочь вчера. Такое горе... Вот! – Варя протянула два серебряных рубля – последние личные деньги, на которые крестьянская семья могла бы безбедно жить несколько месяцев. – Примите от меня Христа ради!

Не веря своим глазам, женщина попятилась назад, охнула, прикрыла кончиком платка рот. Варя без приглашения прошла внутрь, а Глаша осталась стоять на пороге. На столе посреди избы лежало тело, накрытое небелёным полотном.

— Дочка ваша?

Женщина опять кивнула.

— Одна вот. У сестры детки-то. Страшно им. Отослала надясь. Натерпелись, наплакались. Голубку мою... – женщи-

на всхлипнула. — Крестика при ней не было, обронила, видать. Вот и взъелись люди, что черти её к себе сосватали. Да разве ж Фросенька моя когда посмела бы? Да нет, начали припоминать, что купалась она в жару в Студёной. Говорила я ей, а она смеялась... — натруженные руки закрыли сморщившееся лицо. — Бесы воду в речке баламутят, не дают прогреться водиче. Кто в ней ополоснётся, того в полон заберут.

Рядом с говорящей возникла фигурка в белой рубашке. Утопленница с тоской и нежностью смотрела на плачущую мать. Варя заставила себя говорить спокойно:

— А муж ваш где?

— Известно — пьяный спит.

— Можно сесть?

Хозяйка засуетилась, смахнула передником невидимую пыль с лавки, отошла с поклоном.

— Вы не искали её? Домой ведь не пришла. Вы сядьте, в ногах правды нет. Садитесь же!

Сев на краешек лавки, несчастная мать принялась тихонько раскачиваться вперёд-назад:

— Так у старосты поставлена в дому убираться. Сам Савелий Игнатич с женой и работниками третьего дня уехали, сына оставили. Так прибрать и состряпать чего Ефросиньюшка и ходила. Скотина присмотру требует, да и Матвей Савелич, правду сказать, винцом не брезгует, каждый день пьяный тащится. Боялися, как бы дом не запылил!

— Отчего же она в прорубь решилась, да ещё ночью? —

спросила Варя, но сзади кашлянула Глафира: вопрос был неуместный.

— Я вот думаю, — девушка решила зайти с другой стороны, — а зачем она разделась?

Утопленница сделала шаг от матери по направлению к Варя.

— Нашли вещи-то? Крестик?

В глазах крестьянки появился проблеск некоего озарения, не сформированного пока в мысль.

— И вот этот, сын старосты, он ведь в доме был. Кто знает...

— Он-то пьяный всю ночь с друзьями гулял, люди видели.

— Вот как? — Варвара поднялась. Утопленница подошла почти вплотную. — Но ведь мог и прийти. Проверить.

Глафира закашляла слишком натужно, чтобы это можно было принять за простуду.

— И мог, барышня! Да разве такой человек станет девицу губить? Зачем ему?

— Пойдём мы, пора! — сделав большие глаза горничной, Варя задержалась на пороге и произнесла напоследок: — Где же одежда-то? Поискали бы. Деткам пригодится.

Уже на улице девушки с облегчением выдохнули.

— Ох, барышня! Утопленница явилась? Видели? Вона... — Глаша покусывала кончик платка. — А ну как тётушка прознает?

— Утопленница явилась, тётушка не прознает, если ты болтать не станешь! Нельзя невинную душу чернить, Глаша. Не по-людски это!

— И то верно!

ГЛАВА 3

У конюшни вертелись белые собаки. Варя уже видела такую однажды – один из друзей отца привозил щенка самоедской лайки из поездки по северным землям. Пёс прожил всего несколько месяцев, и шуба у него была поскуднее и пожелтее. Зевс и Афина одеты были роскошно, да и со здоровьем у них, судя по всему, было хорошо. Отец рассказывал, что самоеды своих собак запрягают в упряжки. Варя видела ездовых собак, но все они были тёмной окраски и крупнее. Она без боязни потрепала мягкие уши и рассмеялась – животные, как и их хозяин, умели очаровательно улыбаться.

Степаныч нарочито громко ворчал, распрягая лошадей, – ему не нравилось, что девушки ездили в деревню одни. Пугающие слухи о вчерашних беспорядках распространились быстро. Глаша пошла добывать для хозяйки еду, а Варвара задержалась. Её отчего-то всегда волновал этот плебейский, по мнению утончённых особ, резкий и чуть сладковатый запах конюшни. В добротных денниках стояли несколько холёных лошадей, на фоне которых гнедая пара Шупинских выглядела весьма скромно.

— Не замечал в юных барышнях подобного интереса к лошадям. Ни свет, ни заря, а вы уже здесь? Куда ездили? – Петр Кириллович перегородил дорогу девушке.

— Окрестности осматривала, – Варю начинал раздражать

будущий муж.

— Экая вы любопытная! — князь шагнул ближе. — В Студёной тоже окрестности осматривали?

— Нет.

«Правда — грозное оружие, душа моя, — часто повторял отец. — Нужно только знать, как им сражаться».

— Мы ездили к матери несчастной девушки, что утонула накануне.

— Какое горячее участие в жизни крепостных! Уже ли ядовитые пары Вольтерова вольнодумства отравили ваш неокрепший ум?

— Мой ум ясен и ничем не отравлен, ваша светлость. По дороге в поместье мы встретили мужиков, несущих эту девушку от проруби. Её ничем не прикрыли, не завернули, будто в наказание. Она заиндевела вся. Картина не столь приятная, как вы можете догадаться! — раздражение проскальзывало в словах, и Варя постаралась сдержаться. — Трудно представить, что испытали родители, когда дочь внесли в дом. Или вы отказываете крестьянам в подобных чувствах?

— Отчего же, — задумчиво протянул Петр, — они такие же люди, вольны горевать и радоваться.

— Так вот я и ездила, чтобы разделить с ними горе!

— Одна, лишь с горничной?

— Ещё был Степаныч.

— Великая сила! — князь стукнул кулаком в деревянную дверь денника. Конь, стоявший внутри, вскинул голову.

— Покойница благопристойным поведением не отличалась. Гуляла ночами. Естественный итог распущенности весьма неприятен. К тому же, смею вам напомнить, что девица сама лишила себя жизни, а это ли не грех?

— Она не лишала себя жизни! — выпалила Варя и тут же прикусила язык.

— Угодно ли вам объясниться, Варвара Александровна? — глаза князя злыми не казались и диссонировали со строгим голосом. Девушка решила.

— Ваша светлость, если вы обещаете не спрашивать, откуда я знаю...

Петр Тумановский помолчал, почесал бровь. Юная красавица, стоящая перед ним, была ещё маленькой, когда он шестнадцатилетним подростком наперекор воле матери, но с позволения отца отправился в летнюю экспедицию с Александром Шупинским исследовать горные уральские гряды и реки. Картография совсем не влекла юного князя. Влекли приключения. На его счастье, отец не считал зазорным для молодого человека испытать себя на прочность в походных условиях. Удивительно, но юный Петя Тумановский выказывал порой мужество куда более впечатляющее, чем некоторые взрослые мужчины. Этим он снискал уважение старших товарищей и в особенности Александра Шупинского, с которым, вопреки разнице в возрасте, крепко сдружился и долгие годы переписывался. Именно ему молодой человек доверял важные тайны, с ним обсуждал прочитанные книги

и дальнейшие планы на жизнь. Сейчас дочь Александра стояла перед ним, и Петр ясно видел в ней черты ушедшего в мир иной друга – пытливость, настойчивость, уверенность в собственной правоте и... доброту.

— Даю слово!

— Её, она... — Варя заволновалась, словно не зная, как затронуть стыдную тему, а князь взял гостью за руку, будто бы желая придать решимости. — В доме старосты она за хозяйством ходила. В ту ночь сын старосты пьян напился. Он напал на Фросю, одежду сорвал и ... — девушка опустила глаза и покраснела. — Она согласия не давала. Начала кричать и грозить...

Петр нахмурился и сильнее сжал девичью ладонь.

— Дальше! — потребовал он.

— Дальше... Вечер же тёмный. Никто не увидел. А утром... Погодите! — крикнула Варя сорвавшемуся с места и быстро удаляющемуся князю. — Платок!

— Какой платок? — обернувшись, спросил Петр и заметил, как девушка машинально потирает сдавленную им ладонь.

— Платок у Фроси был приметный. Отец с ярмарки привез. Он у парня того остался. В кармане. И крестик пропал.

— Ох, барышня! — Степаныч подошел неожиданно и немного испугал Варвару. — Говорил вам батюшка не кидаться без головы в огонь...

— Но нельзя же смолчать! Никак нельзя!

— Никак, — вздохнул старик и зашаркал прочь, но остано-

вился. — А ежели скажет душегуб, что подобрал платочек-то? Токмо ваше слово супротив евоного!

Весь день до обеда Варвара не находила себе места. Они с Глашей перебрали все возможности доказать свою правоту, но ничего не шло на ум и не выглядело убедительным. Внутри холодело: платок всего лишь вещица, которую можно найти на дороге, во дворе подобрать.

Тётушка пыталась вывести племянницу на серьёзный разговор — договорённость с князем была достигнута — но девушка сказалась больной, и вид её был тому подтверждением. Да и к чему Анастасии Григорьевне знать, что судьба несчастной селянки Варе сейчас важнее собственной.

В обед князь вышел к столу, но был мрачен и малословен. Сразу после трапезы вежливо откланялся и скрылся в кабинете, как вскоре доложила Глаша, сообщившая также, что князь-де управляет с делами самолично из-за временного отсутствия управляющего, который, если верить кухарке, уехал «во губернии».

Дождавшись, когда тетя удалится к себе, Варя решительно направилась к двери кабинета, постучала и, не дождавшись ответа, вошла. Пётр стоял лицом к окну, сцепив руки за спиной.

— Ни вещей, ни платка ни в доме, ни на подворье старосты не нашли. Крестик, — князь кивнул на стол, — у проруби сыскался. Полагаю, девица, устыдившись намерений своих,

сама же и сорвала его. Сын старосты божится, что девушку не трогал и даже не видел, дружки готовы головы на плахи сложить, что гуляли вместе всю ночь. Странные шутки вы шутите со мною, Варвара Александровна!

Развернувшись и присев на подоконник, князь продолжил:

— Мне представляется, что юные девушки должны осознавать цену своим словам и поступкам, особенно поступкам. Потому как расплата за легкомысленность всегда сурова, сударыня. Как и за игры, подобные вашей.

— Я не играла, я...

Возразить было нечего. Варя вздохнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Князь не заметил, как она сжала в кулаке оловянный крестик. Тётя перехватила племянницу в галерее, где девушка задумчиво рассматривала череду писанных маслом предков князя.

— Варвара! Нам нужно сию же минут поговорить!

Разговор был короткий: князь намерен обвенчаться с Варей в церкви как можно быстрее, государь извещён и уже дал свое согласие – фельдъегерь с письмом прибыл вчера поздно вечером. Объявить о браке предоставлялось самому князю в то время, кое он сочтет наиболее подходящим, учитывая траур, который держит дочь по отцу. Анастасия Григорьевна доверительно сообщила Варе, что решающую роль в согласии на венчание, так скоро назначенное после смерти представителя древней дворянской фамилии Александра

Шупинского, сыграла немаленькая сумма, пожертвованная князем на строительство новой ветки железной дороги. Варя слушала вполуха, дурнота подкатывала к горлу, казалось, что глаза плавают в горячей воде, а рот пересыхает от жажды.

— Душа моя, да ты совсем не слушаешь! – всплеснула руками тётушка. – Ты и вправду больна, мон ами! – на из рук вон плохой французский Анастасия Григорьевна переходила в редкие минуты душевного волнения. – Отправляйся в постель! Велю Глафире приготовить тебе питьё с мёдом, а утром вернёмся к разговору. Ступай же!

На негнущихся ногах Варя добрела до комнаты, упала ничком на кровать и не сопротивлялась, когда охающая и причитающая Глаша раздевала её, укутывала пуховым одеялом и поила горячим чаем.

— Испариной вся хворь и выйдет, барышня! Это всё Студёная! Что деревня, что речка – одно господне наказание!

— Подымись! – Фрося шептала ей в ухо. – Подымись! Матвейка охальничает, того и гляди невинную душу на дно утянет!

— Отстань! – чуть не плача отмахивалась Варя. – Отстань от мен! Чур!

— Открой очи! Поручит девичью честь, да и концы в воду. На чертей укажет, а чертям-то и невдомёк! – утопленница встала и указала на окно. – На том же месте, на том же!

— Господи! – в отчаянии обхватила Варя руками голову.

— Избавь меня от лукавого! — но видение продолжало висеть в воздухе.

Тогда девушка встала, на влажную от пота сорочку накинула халат, схватила догорающую свечу и быстро выбежала — так ей казалось — в коридор, пытаясь вспомнить, где располагается спальня князя. Увидев полоску тусклого света под дверью, решительно шагнула вперёд.

— Варвара Александровна! — Пётр вскочил с кресла, продолжая держать в руке раскрытую книгу, подобного он никак не ожидал от воспитанной в привычных нормах морали девушки. — Как вы...

— Он делает это снова! Вы должны послать в деревню! Сейчас же! Прошу вас! — голос Вари срывался в плач, и князь подумал, уж не умалишённую ли ему подсовывают в жёны.

Прекрасно осознавая скандальность момента и абсурдность просьбы, Варя подошла ближе:

— Если в этот раз мои слова окажутся ложью, клянусь, что уеду из вашего поместья, и вы никогда более обо мне не услышите. Вот вам моё слово! — она протянула руку, но Петр пожимать её не спешил.

Очевидно, что, делая столь высокую ставку, девушка должна быть абсолютно в себе уверена, но откуда ей знать, что сейчас происходит в Студёной? Глаза цвета болотной тины в свете свечей казались магическими омутами, затягивающими всё глубже и глубже — на самое дно, лишая воли. И Тумановский ответил рукопожатием, прежде чем начал оде-

ваться.

ГЛАВА 4

Упала Варя прямо перед дверью своей спальни. Жар до-
нимал её два дня, пока, наконец, она не открыла глаза, изму-
ченная, но уже идущая на поправку. На диване у окна дре-
мала тётя, Глаша, закутанная по самые брови в большой рас-
писной платок, посапывала на стуле в углу. Новое утро сле-
пило глаза.

— Дайте чаю, пожалуйста! – прохрипела девушка и улыб-
нулась подскочившей с места горничной.

В последующие два часа Варю обнимали, поили, пробова-
ли кормить, умывали, ругали и хвалили, жалели и отчитыва-
ли. Когда срасти поутихли, а Анастасия Григорьевна отпра-
вилась досыпать к себе, Глафира сообщила главное:

— ... князь наскочил! Матвейку этого так плетью отхо-
дил, что насилу оттащили. Лютовал! Говорят, староста сына
по первости и не узнал вовсе, так разделали голубчика! Де-
вок этот Матвей Савелич много попортил. Знал, пёс окаян-
ный, что к барину не пойдут жалиться. И как таких земля
носит!?

— Как же Фрося? – поморщившись сглотнула Варя: горло
всё ещё сильно болело.

— А что ж горемыке? Закопали и не отпели даже. Кто
ж правду искать станет. Не пойман – не вор! Поди докажи!
– тут Глаша подсела ближе. – Барышня, что скажу-то! Пётр

Кириллыч каждую минуту свободную заглядывали, справлялись, не надо ли чего, всего ли в достатке.

— Что-то, Глафира, мы с тобой с самого утра на месте, а твой Петр Кириллович и носа не показывает!

— Погодите, барышня, вот спущусь я вам за свежими булочками, так сразу и придёт.

— Как же!

— Побьёмся?

— Побьёмся!

— Что в заклад ставите?

— Платье васильковое, что тётушка у мадемуазель Ферье заказывала. А ты?

Глаша заметно погрустнела, против василькового платья выставить было нечего, и она пошла ва-банк:

— Три любых ваших желания исполню. Жаль, разбить нас некому.

— Ой, смотри, навелю тебе чудес всяких! – Варя запёрхла горлом. – Принеси мне к булочкам масла и меду липового, сил нет, как больно!

Прошло пять минут после ухода горничной, и в дверь вежливо постучали:

— Варвара Александровна, можно ли войти?

Стоило бы потомить посетителя подольше, но ради Глашиной обновки Варя решила не артачиться:

— Входите! – больным, изменившимся до грубости голосом пригласила она.

— Голубушка, что же вы хворать вздумали? — Петр Кириллович говорил ласково, почти по-отечески.

На самом деле князю было страшно. Он уже распланировал, даже записал списком в записную книжку свою ближайшую жизнь: жена, дети, парк нужно разбить, выстроить новую мельницу, определить будущих сыновей в кадетский, а если повезёт, то и пажеский корпус, дочерям присмотреть выгодные партии. И при этом не забывать про мечты о собственном конном заводе, яхте на паровом ходу и путешествии куда-нибудь, желательно подальше. Однако же имея подобные планы и дожив до зрелого возраста — в августе ему исполнится 29 лет, Пётр Тумановский чувствовал себя иногда мальчишкой, которому позарез нужно сбежать из давящей атмосферы большого родительского дома. От всех этих светских бесед, званных обедов и ужинов, балов и неискренних алчных людей, водящих дружбу с князьями лишь по причине выгоды знакомства.

Князя всё ещё тянуло на приключения, на авантюры, и это несоответствие должного и желаемого мучило мужчину, лишь только он давал себе труд подумать о своей жизни. Сейчас он смотрел на исхудавшую и бледную Варвару и все отчетливее понимал, что, женившись на этой девушке, отправится в самое захватывающее приключение в своей жизни. Вот только одно расстраивало Тумановского: при всём своем темпераменте и тяге к красивым женщинам никакого влечения к дочери старинного друга он не испытывал. Образ

белокурой недоступной красавицы из прошлого проклятием всплывал перед глазами мужчины.

— Право, заставили вы нас поволноваться, Варвара Александровна. Где же вы простыть изволили?

Пожав плечами, Варя сглотнула, чуть поморщившись, и спросила:

— Мне не нужно собирать вещи?

Князь подхватил стул и сел рядом с кроватью больной, положив ногу на ногу.

— Не нужно. Вы оказались правы. Но одно обстоятельство мучает меня, любезная Варвара Александровна! Откуда вам стало известно о происходящем в Студёной?

И Варя почти не соврала:

— Сон приснился, ваша светлость!

— Сон?

Девушка кивнула и потупила глаза.

— Ну, сон так сон! — князь хлопнул ладонью по колену. — Хотел порадовать вас. В нашем уезде помещики даже ананасы в оранжереях выращивают, да нынче не сезон... Харитон!

Дверь открылась, в комнату вошел слуга с крошечным лукошком, полным сочной клубники, и с поклонном передал его хозяину.

— Вот, лакомьтесь на здоровье! Свежайшая! — Петр пристал и поставил лукошко на колени Вари. — А мне пора. Дела, знаете ли!

— Благодарю, Петр Кириллович! — непрошенные слезы

набежали в уголки глаз. Ей никогда не делали таких волшебных — как в сказке — подарков. — Это чудо какое-то!

Задохнувшись от безмерного счастья, что излучали необыкновенные глаза, Петр засмутился и торопливо вышел, растерянно буркнув:

— Не стоит благодарностей!

Ягоды красовались своими сочными бочками, и Варя почти чувствовала их необыкновенный вкус. Она уперлась руками и попыталась подтянуть тело повыше, чтобы удобнее было есть, но неосторожное движение опрокинуло лукошко, и клубника посыпалась на пол. Вернее, посыпались бы, если бы Варя не охнула и не сделала что-то, чего объяснить никогда не умела. Ягоды зависли на ладонь от пола, пока девушка соображала, как вернуть их в лукошко.

Тихонько отворилась дверь, и в комнату заглянула одна из служанок, держащая на подносе фарфоровый чайник, пускающий из носика ароматный пар. Она сделала шаг и тут увидела ягоды, замершие в воздухе, вскрикнула и выронила поднос. Россыпь ягод разлетелась по полу.

Тут же откуда-то прибежала раскрасневшаяся Глаша, принялась отчитывать служанку, помогать ей убирать разбившуюся посуду, вытирать лужу горячего чаю, при этом кидая обеспокоенные взгляды на хозяйку. Но Варя не вслушивалась в перебранку девушек. Она в который раз безотчётно применила силу, которая три месяца назад влепила в стену над головой графа Волынского, вдовца пятидесяти четы-

рѣх лет, кашпо с каким-то особо ценным или редким сортом герани. Старый негодяй осмелился облизывать ей рот своими жирными после званого обеда губами и ущипнуть за грудь, гадко хихикая в ухо:

— Договоримся, Варвара Александровна? При вашем-то бедственном положении выбирать не приходится?

Тётя вывезла её и сыновей к баронессе фон Тешен, которая редко наезжала из заграниц, но была с Анастасией Григорьевной близко знакома, а потому о проблемах в семье подруги была наслышана. Скандал удалось замять, хотя развратник Волынский и пытался кричать о том, что, мол, Шупинская – ведьма, но его знали слишком хорошо, чтобы сразу поверить. Однако слухи поползли, охотно подхватываемые матерями девиц на выданье, обрастали гнусными подробностями. Слишком мешала юная Шупинская другим debutанткам.

В минуты злости или испуга что-то будто лопалось у Вари в голове, застилало глаза розовой пеленой и далее брало дело в свои руки – швыряло посуду, втаскивало крошечных котят из-под тележных колёс, двигало мебель, ловило упавшие предметы. И ладно бы дело ограничивалось только этим! Судьба, словно желая сделать жизнь девушки совсем уж невыносимой, отсыпала ей и других даров, о которых Варя вовсе не просила. Призрака умершего человека она увидела всего через несколько месяцев после падения со скалы. Они с отцом отправились на ярмарку, где Александр Шу-

пинский обещал купить дочери новую кожаную чересплечную сумку, в которой удобно было бы носить альбом и карандаши. Он деловито нырнул сквозь толпу, крепко держа Варю за руку, но возле зрителей, хохочущих над выкрутасами балаганного Петрушки, слегка замедлил шаг. Александру нравились подобные зрелища, а вот дочка его не очень любила носатую куклу или Петра Петровича, как порой звал его отец. Он казался ей слишком страшным и грубым, поэтому она отвернулась и столкнулась глазами с растерянным взглядом хорошо одетого подростка, чей щегольской меховой картуз с лаковым козырьком едва держался на затылке. Незнакомый паренёк одну руку прижимал к животу, а другой указывал на что-то позади девочки. Варя испуганно прижалась к отцу, который приобнял дочку за плечи, но от представления не отрывался. Спустя несколько минут истошный женский крик всколыхнул толпу:

— Убили! Божечки! Барчука убили! Люди добрые! Убили-и-и-и!

— Варюша, давай я отведу тебя к тётке в карету! — отец обеспокоенно наклонился к дочери.

— Папенька, а я его видела!

— Кого, душа моя?

— Мальчика.

Но отец не успел ни расслышать, ни осознать услышанное. Толпа, сдвинутая с места любопытством и отчасти страхом, стала оттеснять Александра с дочерью, давить, и Шупинский

ринулся выбираться из людского потока. Чуть позже, когда они возвращались домой, а тётя и отец обсуждали убийство младшего Колмогорова, Варя громко заявила:

— А мальчик этот мне рукой указывал.

— Какой мальчик? – тётя наклонилась поближе.

— Колмогоров, мёртвый который. За живот держался и пальцем указывал.

— Ах, полно тебе, Варюша! – отец обеспокоенно взглянул на сестру. – Как ты могла его видеть? На ярмарке столько народу, столько шуму, вот тебе и привиделось!

— Нет, папенька. Я такой картуз только у этого мальчика и видела.

— Это все ваши экспедиции, ночные посиделки и взрослые книжки, Саша! Ты совершенно не считаешься с возрастом Вареньки! – Анастасия Григорьевна ещё ниже наклонилась к племяннице. – Милая, ты даже не представляешь, что я тебе купила у мадам Фурне! Вот в этой коробочке дожидается.

Шупинский вечером обстоятельно поговорил с дочкой. Имея ум пытливый и наблюдательный, Александр никогда не упускал возможности докопаться до сути. Именно благодаря этой своей склонности научил он Варю не бояться странных предметов в темноте, грома и молнии, зверей и птиц, неожиданно выскакивающих из зарослей. Но сейчас необъяснимая природа видений Варвары немного пугала и самого отца. Главное, что не давало покоя Александру Гри-

горьевичу, — меховой картуз, коих отродясь не водилось в их уездном городе. Колмогоровы недавно вернулись из столицы, вот младший сын и выгуливал обнову на ярмарке. Варя не видела сам труп. Отец почти сразу отвел её в карету, к тётке, а сам решил выяснить, что случилось. Меховой картуз держался на затылке юноши, сползшем по стене городской аптеки. С того вечера и разговора с дочерью Шупинский стал ещё более внимательно относиться к тому, что говорила Варя. Он и ранее был ей лучшим собеседником, чутким слушателем и настоящим другом. Теперь же, когда дочь начала демонстрировать необычайные способности, дал себе слово не упускать ничего из её взросления и развития.

Отогнав от себя тревожащие воспоминания, Варвара Александровна с сожалением смотрела на рассыпанные ягоды. Она не поговорила с князем о Фросе. Бедняжка, всеми уже забытая, лежала в земле за оградой кладбища, и такую несправедливость Варя снести не могла. За окном, зацепившись коготками за перекрестье деревянной рамы, сидела желтогрудая синичка. Она смотрела прямо на Варю. Девушка улыбнулась, кивнула, и птица спорхнула с места.

Неделю спустя две женских фигурки замерли у застывшего земляного холма за оградой деревенского кладбища. Варя развязала полотняный мешочек и достала простенький нательный оловянный крестик без веревочки, нагнувшись, положила его между мёрзлыми комьями, выпрямилась и при-

нялась молиться. Глаша всё оглядывалась по сторонам, качая головой, но никого не заметила.

— Не дело, не дело, барышня! – ворчал Степаныч, помогая девушкам и закрывая за ними дверь кареты. – Батюшка отпеть должен, а так пустая всё затея. Вот как.

Из-за старого тополя на большак выехали сани, запряженные мохноногим черным жеребцом. Жена старосты – Марфа, самолично правившая норовистым конём, с ненавистью смотрела вслед удаляющейся карете.

ЧАСТЬ II. Дунины посиделки

ГЛАВА 1

— Это уж как барин решит! – миловидная Устя смахнула согнутой ладонью сухой горох в глиняную миску. – Давеча батюшка обещался позволения испросить и опосля княжеской нашу свадебку и отгулять. Семён уж и тройку снарядил — коренного да пристяжных один к одному подобрал — хвастал мне. Матушка глянуть позволила.

— Батюшка, матушка! Сама-то, чай, не терпишь в чужой дом уйти! – чернобровая и черноглазая Дуня, считавшаяся одной из красивейших девиц Студёной, перекинула с плеча на плечо роскошную, цвета воронова крыла косу.

Отец её, Пантелей Еремеич, куплен был покойным хозяином в Малороссии, и южная кровь искусного кузнеца, особо ценимого за умение быстро и добротнo подковать любого коня, вылилась в итоге в девятерых детей и звание самого удачливого кулачного бойца в округе. Против него боялись выходить даже молодые соперники, и старый князь Тумановский щедро отсыпал своему Пантелешке от выигранных ставок, немало способствуя росту благосостояния большой семьи. Люди поговаривали, что Пантелей кровей не русских, а басурманских, а не то и вовсе цыганских, уж больно кудреватый и темнолицый. Пел так, что птицы заслушивались, а уж с лошадаками шептался, куда там бывалому возчику! Без надобности и в кузню не совались – верили, что

нечистый помогает Пантелею делать самую тонкую, самую трудную работу.

Любимая дочь кузнеца – Евдокия Пантелеевна, осталась последним ребёнком, не обзаведшимся пока собственной семьей, и отец не торопился выдавать её замуж, придиричиво разбирая достоинства и недостатки каждого жениха. Да и то сказать, желающих заполучить в жёны статную красавицу было немало. Тумановские редко вмешивались в matrimonialные планы своих крепостных, предоставляя людям свободу в делах сердечных, однако засидевшаяся в девках Дуня, сама того не желая, или желая, но тщательно тая брачные замыслы, стала весьма раздражать жителей Студёной, имеющих сходного возраста дочерей. Кое-кто уже подумывал пожаловаться Петру Кириллычу. Вот и сейчас Устя кинула злой взгляд на выющийся у изящного ушка чёрный локон – Дуня вся была соткана из милых мужскому сердцу прелестей. Полные сочные губы, нежный румянец на чистой гладкой коже, соболиные брови, одним своим легким движением вышибающие дух из впечатлительных ухажёров, – как не завидовать этакому-то богатству? Переняв от отца глубокий красивый голос, кузнецова дочка смело выходила в хоровод и запевала звонко, привлекая в круг праздных зевак. Пела она даже в самую жаркую страду, перевязывая снопы или сгребая сено. Устинья же петь отродясь не умела.

— Отчего же не терплю? – будущая невеста вскинула подбородок. – Я не ты, в женихах как в сору не роюсь! Сёмочка

мне по сердцу! Домовитый он, да и на других, — в этом месте Устя выразительно посмотрела на дочь кузнеца, — глаза не пялит.

Две других девушки — Маруся и Василиса, чуя назревающую ссору, замерли и только переводили взгляды с одной подруги на другую. Устя тоже считалась красавицей и отменной работницей, завидной невестой.

— Ишь! Не пялит! А кто мне надысь руки заламывал да к дровнице прижимал? Уж не он ли, соколик твой?

Лицо Усти пошло багровыми пятнами, но она дала себе время остыть, прежде чем нанесла ответный удар:

— Знамо дело, всяк в деревне тебя жмёт, да и куда деваться — замуж не идёшь, так хоть потешиться! С чего мне на Сёмушку обиду держать, коли дружки его того же самого отведали? Мужик он. Опося свадьбы меня жать будет.

Маруся и Василиса даже с лавки привстали, чтобы не пропустить ни одного движения, ни единого словечка. Однако Дуня громко захохотала, хлопнув Устинью по плечу:

— Ох, подруженька! Каждое лыко в строку! Уморила!

Напряжение разом спало, хоть не ушло окончательно, и девушки продолжили разбирать горох, дожидаясь, когда взрослые дадут им, наконец, спокойно погадать. Святки были в самом разгаре, по домам ходили ряженные, испрашивая у хозяев пирогов и бражки. Считалось, что чем более одаришь просителей, тем больше грехов со своей спины на них скинешь. А меж тем Дуня продолжала:

— Жать бабу-то умеючи надобно, девоньки. Не всяк муж — умелец. Иная и взвоят после свадьбы, что собака цепная, да куда деваться! Тут от мужика умение надобно, это не соп-ли рукавом отирать.

Не желающая сдаваться Устя, буркнула:

— Уж ты-то ведаешь, небось, как надобно!

— Ведаю! — мечтательно улыбнулась Дуня. — Есть и у меня дружок сердечный. Уж как загребёт в охапку, как поцелует в уста, так и сердечко вон!

— Это какой же дружок? — не сдержалась Василиса, подавшись вперёд.

— А уж такой, Васенька, какой тебе и в снах не являлся! — подружка медленно облизала губы, замороженные девушки затаили дыхание, ожидая новых подробностей.

Но тут в горницу ввалился изрядно хмельной Пантелей Еремеич, крепко прижимающий к себе худую и выглядящую гораздо старше своих лет бессловесную супругу.

— Что разнюнились, краснощёкие? Воля вам вышла, к своякам идём. Чай Святки — не пост! Токмо баню не запалите с гаданиями, а то за косы оттаскаю! — и кузнец расхохотался над своей шуткой. — За полночь приду, чтобы духу вашего не было! Слыхала, Дунька?!

— Слыхала, батюшка! — улыбнулась девушка пьяному родителю.

Как только хлопнула дверь сеней, горох безжалостно и безо всякого разбору был ссыпан обратно в мешок и закинут

за печь.

— Петуха тащить? – возбуждённо спросила Дуня подружек.

— Колечко! – крикнула Василиса.

— Нет уж, неси петушка! – возразила Маруся.

— А давайте-ка по полешкам погадаем, а? Кому какой же-них выпадет.

— Так твой-то известен! – фыркнула Вася в лицо Усте. – Чего гадать-то?

— А того, что Дунькиного суженого выгадаем! А, Дуняша? Боязно, что правду выпытаем?

— Вот ещё! Идём во двор, полешки так полешки!

Глафира с явным неудовольствием наблюдала, как барышня убирает за ухо с таким трудом завитые букли.

— Это что же вы, Варвара Александровна, вовсе меня не цените? Или ваши хранцузские куаферы лучше моего волосы чешут?

Варя недовольно поморщилась:

— Полно, Глаша! Перестань говорить деревенским языком. Мало книжек читала? С каждым днём ты становишься всё более похожа на дворовую девчонку. Что за нелепость?

— Дворовая и есть, – вдруг потупилась горничная. – Вон у князя прислуги сколько, повенчаются и выгоните меня. И локоны спрямили напрочь. Кому я, косорукая, пригожусь?

Поведение Глаши вот уже неделю беспокоило Варвару, но

никакие заверения и утешения на горничную не действовали, она уверовала, что, став замужней дамой, хозяйка выгонит верную служанку вон.

— Ну что ты! Я хочу попроще, Глаша. Греческого такого знаешь, с лентами. Или вовсе косу, как ты плести умеешь, от височков. Никто подобного не сделает!

— Скажете тоже, барышня! – горничная немного успокоилась. – А и давайте косу! Святки же, самое веселье! Эх! Вот бы Анастасия Григорьевна куда в гости уехала, ведь не даст погадать, ей бог не даст! – Глаша разбирала прежнюю прическу и, бережно разделив медовые волосы на проборы, принялась плести замысловатую косу.

— А мы дверь закрём! – Варя хитро прищурилась, глядя на Глашино отражение.

— Верно! Вы как хотите? Ярым воском ли зеркалами? Зеркалами? Да что вы, барышня, меня путаете! – горничная резко остановилась. – Вам ли суженого не знать. А мне боязно, вдруг какой немощный выглянет.

— Хм, так я за тебя и посмотрю. Можно так? Мне не страшно ни чуточки.

— Уж и не знаю... Имя мое разве только назовёте...

— Назову, назову, заплетай быстрее!

Через десять минут Варя довольно кивнула.

— Экая ты мастерица, Глашенька! Неси свечку!

Девушки торопились, чтобы успеть до прихода тётушки, которая ведь непременно заглянет, чтобы напомнить об ужи-

не.

Напротив большого зеркала было приставлено к спинке стула второе – ручное, зажжена свеча, и Варя принялась всматриваться в бесконечно множащиеся зеркальные отражения.

— Да не молчите, барышня, спрашивать надобно!

— Суженый Глашин, ряженный, покажись!

— Не частите, Варвара Александровна!

— Суженый... Глашин... ряженный... — медленно принялась выговаривать Варя, раз за разом засматриваясь на колышущийся свечной огонёк.

Вдруг пламя взвилось, испустив струйку тёмного дыма, и в зеркальном коридоре показался мужчина со светлыми, чуть выющимися волосами, короткой опрятной бородкой и густыми красивой формы усами.

— Вижу! – сдавленно пискнула Варя, схватив горничную за руку. – Русский, с бородой и усами, высокий. Молодой, Глаша, видный какой!

— Богатый? – с замиранием сердца смотрела на барышню Глафира.

— Ой, пропал! И лица рассмотреть не успела! – расстроено проговорила Варя.

Обмахиваясь передником, горничная опустилась на стул.

— И то, Варвара Александровна, с вами и гадать – покой терять!

— Ты еще меня ведьмой назови!

— Да уж не ведьма, знамо дело, ворожея, — Глаша сложила брови просительным домиком. — Гляньте ещё разочек, барышня, вдруг покажется побольше?

Варвара улыбнулась и принялась всматриваться в отражение, приговаривая и подперев кулаком подбородок. Чуть заскучав, не заметила момента, когда зеркало заволокло чёрным дымом, расступившимся посередине. Лицо мужчины на этот раз было скрыто в невесть откуда набежавшем непроглядном тумане. Но вот он притянул к себе девушку в красивом синем сарафане и расшитой узорами рубашке. Мужская ладонь стыдно прошлась по полным грудям, зацепилась мизинцем за яхонтовые дорогие для обычной крестьянки бусы и сдавила горло. Тонкие женские руки взметнулись к шее, крупные красные бусины потекли ручейком вниз, тёмная блестящая коса повисла на плече. Тело незнакомки дрогнуло и осело вниз. Мужчина постоял ещё какое-то время, нагнулся, вытер окровавленное лезвие ножа о расшитый рукав девичьей рубашки и пропал.

— Что же, что же, барышня? Кто там! — нетерпеливо спрашивала Глафира, заметив, как изменилось лицо хозяйки. — Этак и помереть можно со страху-то. Что там?

— Смертоубийство будет, Глашенька! — Варя развернулась к собеседнице, роняя купные слёзы с ресниц. — Непременно будет! Господи!

Мать была чудо как хороша на этом портрете. Художник

сумел уловить её зарождающуюся улыбку, которой она усмиряла самых буйных спорщиков, и чудный оттенок глаз, напоминающий болотную густую тину. Как у Вареньки. Да, вот она уже и Варенька. Пётр усмехнулся и положил миниатюру на место. Девочка совсем, дерзкая непоседливая его-за. И как он решился жениться на такой, если всю жизнь в каждой женщине искал вторую Елизавету Тумановскую, с её царской осанкой, молочно-белыми плечами и умением одним своим появлением вносить сумятицу в мужские умы? Византийской принцессой звал её отец, не думавший в присутствии жены даже посмотреть на других женщин. После вторых неудачных родов, когда его обожаемая Лиза чуть не отдала богу душу, Кирилл Тумановский чуть не убил самого лейб-медика, требуя железных гарантий жизни любимой. Врач проблеял что-то о том, что княгине больше нельзя беременеть, и тихо вынырнул из медвежьих объятий оцепеневшего князя. Сын, находящийся подле отца и ещё не вполне понимающий, о чём ведут речь взрослые, испугался, расплакался навзрыд, полагая, что матушка при смерти. С тех самых пор Пётр стал относиться к матери, как к божеству, и начал бояться любого медицинского вмешательства в здоровье близких. Безотчётный страх он испытал и тогда, когда Варя занемогла и слегла в лихорадке.

Варя...

Князь мотнул головой и встал, разглядывая себя в зеркале. Приглашены гости, уже приготовлены комнаты, нужно

проверить, всё ли учтено и подано. Пётр взглянул на неоконченное письмо управляющему, вздохнул и мысленно сосчитал дни до возвращения Алексея. Скорее бы уж! Прикоснувшись к ручке двери, мужчина успел вовремя среагировать и сделать шаг назад – в комнату ворвалась Варвара Шупинская, и её лицо не сулило князю никакого спокойствия

— Ой! – Маруся поглаживала гладкое, без единого сучка сухое полено. – Ровненькое! Красивый будет! – она прижала предвестника счастливого замужества к груди, замотанной теплым платком – стоял приличный морозец.

— Моя черед! – Васёна отвернулась, сунула руку в дровницу, вскрикнула и вытянула полено, тут же бросив его на-земь. В большом пальце, выдавив капельку крови, красовалась приличная заноза. – Как же? – всхлипнула девушка, поддела и вытащила щепу, принялась посасывать ранку. – Не пойду об этом годе замуж! Удавлюсь— не пойду!

Засмеявшаяся Дуня зажмурилась, выбрала и потянула полено на себя. Девушки умолкли, испуганные увиденным: по гладкому древесному боку жуки выгрызли кривоватый крест, да и ладно бы только это – чуть ниже пугающего знака красовался обломанный сук, весьма напоминавший формой рукоять ножа. Дуня сглотнула и тут же засмеялась.

— В попадьях мне ходить! Вот радость-то!

Но никто не разделял нарочитого веселья. Устя опустила масляный фонарь:

— Идёмте уже в баню, петуха пустим, чего взялись с этой дровницей, будто других гаданий не ведаем. Идёмте, подруженьки! — и она подтолкнула девушек по очереди в спины.

В бане они затеплили свечи, расстелили старую скатерть и разложили на ней зерно, золу, пару медных копеек, налили в миску воды.

— Пойду за петухом! — поднялась с колен Дуня и выскочила в предбанник.

— Видали, что ей за полено выпало? — с волнением заглядывая в лица подруг спросила Маруся. — Никак помрёт, муж-то. Вдовой останется.

— А чего плохого во вдовьей доле, коли богата? Другого найдёт. Дуньку, хоть вдовую, любой за себя возьмёт, — угрюмо откликнулась Устя. — Зеркало! Зеркальце забыли, как же! Побегу-ка!

Время шло, Василиса не выдержала:

— Уж не к соседям ли пошли, дуры пропащие, пойду кликну. Не спи! — толкнула она клюющую носом Марусю.

Девушка зевнула и потерла глаза, а в следующий миг подскочила от страшного крика. Плотнее запахнув зипун, она выскочила из бани и побежала на голос Василисы, которая всё кричала и кричала.

Прямо перед сараем, раскинув руки в стороны, лежала Дуня, а вокруг неё, по дурости склёвывая янтарные бусины, выхаживал растерянный петух.

ГЛАВА 2

Жеребец почуял звериный запах, повёл головой, заплясал, заволновался.

— Ну-ну, Булат! – похлопывая коня по шее, Тихонов оглянулся: волки трусили сзади, не отставая, в жёлтых глазах светился лютый голод. – Всякого зверья видывали! Не чета заморышам этим!

Мужчина осмотрелся, замечая серые тени, идущие в обход, нагнулся и спокойно попросил:

— Вывози, родимый!

Перекупить этого коня пытались многие. Вороной с удивительно красивым изгибом шеи прославился злобным нравом и крепкими жеребятами, ни один из которых не пал. Но только хозяина слушался шелкогривый буян беспрекословно, только с его рук подбирал чуть подсолённые горбушки и кусочки колотого сахара. Вот и сейчас, спасая себя и седока, взрывая мощными копытами слежавшийся снег, Булат мчал к усадьбе, оставляя позади голодных волков. Однако и серые хищники просто так сдаваться намерены не были: одинокий всадник посреди лесной дороги – слишком заманчивая добыча. Отчаяние гнало стаю по незаметным тропам, и когда Тихонов свернул, следуя легкому повороту просеки, крупный бурый зверь сиганул с пригорка, метя в конскую шею, но не долетев совсем чуть-чуть. Булат слегка сбавил шаг, попя-

тился и расплющил копытами волчью морду, а потом рванул вперёд, оставляя на снегу красные оттиски подков.

— Еремей! – гаркнул Тихонов и соскочил с коня. – Еремей! Мухоблуд чёртов!

Заспанный конюх вывалился из пустого денника и перехватил повод.

— С возвращеньцем! – закивал он приехавшему мужчине и заискивающе спросил: — Случилось чего, Ляксей Ильич?

— Булат захромал, помоги! – сбросив заплечный мешок, Тихонов подхватил переднюю ногу жеребца и согнул в колене. – Так и есть! Да держи же крепче! Зуб! Вот незадача! Ничего, дружок, ничего! Кузнеца позовём! Ничего.

— Это чей же зуб? – Еремей удивлённо уставился на копыто.

— Волчий! – с некоторой долей гордости ответил Тихонов. – Прибил волка наш Булат!

— Князь было охоту собирать хотели. Озоруют серые, бычков в Макеевке порезали. И то было бы наших, а то ведь покупных! От Сомичёвых привезенных!

— Когда порезали?

— Так третьего дня и порезали начисто. Стылая зима, голодают зубастые.

— Да что ж это! – Тихонов раздражённо хлестанул камчой по голенищу сапога, надетого поверх теплого мехового

чулка. — Мяса-то хоть вышло сколько?

— Да уж вышло, требуху, вишь-ка, токмо и поели. Раздали кому сколько по детишкам.

— И то дело!

Управляющий князя Тумановского, Алексей Ильич Тихонов, расправил пшеничные усы, пригладил короткую акkuratную бородку, взвалил на плечо мешок и направился в свой флигель, бросив Еремею:

— Пантелея кликни, как придёт, позовёшь. Без меня Булат не дастся!

— Варвара Александровна, — выразительно посмотрел князь на вцепившиеся в дорожную ткань пальчики, — должен ли я понимать так, что сведения ваши верные и получены всё из того же неизвестного источника? Откуда вы узнали, голубушка, о грядущем преступлении?

Немного смутившись, Варя спрятала руки за спину и опустила глаза.

— Так что же? Где почерпнуто сие тревожащее знание?

— Мы... Мы гадали с Глашей и там, в зеркале... — красивые глаза подернулись влагой.

— Отраднo что вам достало ума, незаурядного, как и актерский талант, полагаю, чтобы вовремя понять всю абсурдность ваших предположений. К тому же, как вы, вероятно, уже знаете, в усадьбу прибывают гости. Мне не хотелось бы скандалов и кривотолков. В нашей глуши так мало развле-

чений, что любой домисел раздувают до размеров Рязанской губернии. Будьте готовы предстать перед обществом в качестве моей невесты! — князь подчёркнуто медленно поправил витиевато повязанный шелковый галстук, стряхнул с помятого рукава невидимую пылинку. — И не меняйте причёску, этакие косы вам необыкновенно к лицу! — обойдя сникшую девушку, Тумановский вышел из комнаты.

Немного поковыряв носочком замшевой домашней туфельки красивый, но довольно старый персидский ковёр, Варя шмыгнула носом, утёрла слёзы обиды и решительно направилась назад, жаловаться Глаше на крушение надежд. Александра Григорьевна перехватила племянницу по дороге.

— Право, вечно тебе вздумается бродить невесть где, когда такое событие на носу! Да ты и не причёсана даже! О мондье! На тебя цвет уезда соберётся смотреть, а им нате — селянка с косой через плечо! Изволь причесаться и одеться.

— А князю понравилось! — прогундосила Варя в заложенный от слёз нос.

— То есть как? Ты в своей непозволительной манере явилась к Петру Кирилловичу вот в таком виде?!

— Явилась, тётушка, — зло шмыгнула девушка. — И он велел косы не расплетать!

— Ну вот и всё! — Анастасия Григорьевна приложила к запылавшим щекам тыльные стороны ладоней, прикрытые кружевными митенками. — Терпению князя настал оконча-

тельный конец! Твои выходки распалят до ярости кого угодно! Мыслимо ли, представлять невесту в таком виде обществу? Нет, это определенно финал нашему знакомству и твоей помолвке. Разве приказать Глафире паковать вещи уже сию минуту, чтобы не переживать позору? Ах, Варвара!

— Тётушка, ну что вы? – попыталась успокоить родственницу девушка, но та с обречённостью висельника побрела прочь, махнув рукой в сторону племянницы.

— И быть по-вашему, тётушка! И уедем! И чёрт с этим со всем! Только девушку жалко. Жалко-то как! Что же, дать погибнуть невинной душе? – Варя рванула к себе и, почти ничего не объясняя Глаше, принялась надевать тёплую одежду.

— Барышня! Вы куда? Барышня? Господь Вседержитель, уже не горячка ли снова? Барышня?!

— Слушай, Глафира, если верхом, то я быстро доберусь до Студёной и сразу обратно. Ты придумай что-нибудь, коли спросят.

— Вы ума лишились, Варвара Александровна? – горничная встала перед дверью, уперев кулаки в бока. – Это вы что, пистоль батюшкину берёте? Не бывать тому! Не пуцу! Хоть стреляйте! Да как вы найдёте крестьянку-то эту? Встречного-поперечного спрашивать будете, у кого синий сарафан да бусы красного яхонта? Где это видано, что на ночь глядя одной? Не пуцу! А не слажу с вами, так помощь кликну!

— Не кликнешь! Гости в доме, скандалу захотела?

— Барышня! – жалостливо запричитала служанка. – Да

вы хоть князю скажите!

— Сказала, да только не по нраву твоему Петру Кирилловичу таковые речи! Пусти! Глафира, я кричать стану!

Алексей забежал в господский дом с чёрного входа и улыбнулся кухаркам, что с блестящими от пота покрасневшими лицами суетились в огромной и удобно устроенной кухне. Управляющий не стал раздеваться, ему нужно было лишь сообщить князю о приезде и уйти, отговорившись от званого ужина усталостью. Тихонов не сдержался и нырнул в пахнущее печёным в горчице мясом помещение, отщипнул кусок от сочной куриной ножки и глотнул молока прямо из влажной от испарины крынки.

— Ляксе́й Ильич! – главная кухарка Агафья, колыхнув необъятное тело в сторону похитчика, погрозила ему пальцем.

— Агафьюшка, каюсь, винюсь, голоден!

Утирая усы и оглаживая бородку, Алексей, всё еще виновато улыбаясь, поднялся до середины лестницы, занёс ногу для следующего шага и тут же поймал в свои объятия нечто шумное, мягкое и пахнущее душицей.

— Скорее! – незнакомая девица, округлив глаза и пытаясь оттолкнуть от себя молодого мужчину, замахала руками. – Она же верхом поскачет! Это в ночь-то! Скорее!

Больше интуитивно, чем на основании фактов, Алексей понял, что нужно кого-то спасать, и подчинился воле девушки.

ки, потащившей его за руку мимо кухни к выходу. Челядь замерла, наблюдая, как приезжая гордячка ведёт за собой, словно телка на веревочке, завидного жениха.

— Чего стоите, дубины стоеросовые! – Дуня с хохотом поднялась с утоптанного снега. – Бусы собирайте! Батюшкин подарок, выпорот, коли узнает, что петух половину склевал! – девушка говорила со значительными паузами, вызванными приступами смеха, не в силах смотреть на вытянувшиеся в изумлении лица подружек. – Ой, девки, ой, матушка, помоги!

Обескураженные Маруся и Василиса глянули друг на друга, пытаясь убедиться в правильности своих догадок и ища им подтверждения. Но смеяться им совсем не хотелось, слишком сильным был испуг.

— Чуть дух вон не вышел! – Дуня уперлась ладонями в колени и замотала головой. – Спуж ались? Да на то и Святки! Эка! Надулись лягушками.

— Домой я пойду, – Василиса тёрла лоб. – Матушка наказывала поздно не гулять.

— И я! – согласно закивала Маруся. – Пирог завтра печь.

— Устя? – огляделась Дуня. – А Устинья-то где? Убёгла со страху?

Забежав в конюшню, Варя порадовалась суете, царившей там, – конюхи поторапливались, заводя в свободные денни-

ки и стояла гостевых верховых коней, распрягали кареты и выстраивали их во дворе таким образом, чтобы можно было, не мешкая, снарядить и подать по первому требованию. Девушку никто пока не замечал, и она прошла мимо дальних денников, дойдя до того, в котором стоял под седлом вороной конь. Конюхи, видно, забегались и забыли про красавца. Блестящий чёрный бок дрогнул под ладонью. К Булату никто, кроме хозяина, не отваживался вот так смело заходить. Злобный жеребец уже не раз вдавливал крупом в угол или прикусывал слишком наглых посетителей. Но Варя, не знавшая, к счастью, страшных историй, ходящих о вороном, ласково и бесстрашно поглаживала красивую изгибистую шею.

— Не успели, да? Вот и хорошо, что не расседлали, вот и хорошо, — девушка почесала идеально вылепленную голову над ноздрями. — Мы не далеко, ветром — туда и обратно. Ах, какой ты ладный! Ах, какой красивый! Мальчик! Выручай!

Звонкий лай немного испугал Варвару: Зевс и Афина смотрели на неё с радостным любопытством.

— Дружочки мои! — бесчисленное количество вкусных кусочков, перекочевавших с княжеского стола в пасти собак, сделали своё дело: белоснежные лайки смотрели на Варю с обожанием. — Тише! Тише!

Оторопевший от неслыханной дерзости конокрада Алексей, все ещё не вынувший руки из цепких пальцев незнакомки, наблюдал, как какая-то девица, бесстыдно задрав юбки в мужском седле и прильнув к шее его Булата, проскакала

через хозяйственный двор и, по пути распугав нескольких слуг, выскочила за ворота.

— Еремей! – взревел управляющий и грубо вырвал руку из ладошки незнакомки. – Еремей, сучий потрох! Запорю! Почему конь не рассёдлан?! Куда смотришь?!

Перепуганная насмерть Глаша отскочила в сторону, а грозный мужчина решительно зашагал к конюшне, на ходу доставая из-за пазухи и надевая меховую шапку, потом перехватил у слуги статную серую кобылу под английским седлом и вскочил на неё одним красивым движением.

— Господи, помоги! Спаси и сохрани рабу твою Варвару! – перекрестилась горничная и от души пожелала, чтобы суровый незнакомец приструнил барышню так, чтобы более неповадно ей самовольничать было.

Пётр Тумановский, радушно раскидывающий руки в приветственном жесте, встречая на крыльце очередных гостей, переспросил мажордома:

— Как приехал, ты уверен, Харитон? И где он? С чего на конюшне? – тут князь отвлёкся и поклонился пожилой даме, которую сопровождали две молоденьких дочери в одинаковых меховых капорах.

— Анна Владимировна, голубушка, заждался, признаться, заждался вас! Проходите, располагайтесь!

— Пока никто боле не подъехал, постой вместо меня! – Пётр тронул Харитона за плечо и быстрым шагом направил-

ся на хозяйственный двор.

Прихода князя там не ждали, да он и не совался с расспросами, увидев Глашу и догадавшись, что та выбежала следом за барышней своей. И без вопросов было ясно: где прошла Варвара Шупинская, там жди неожиданностей!

— Чего здесь забыла? Где хозяйка твоя? – без всяких предисловий строго спросил он горничную, при этом стараясь рассмотреть среди слуг Алексея.

Глаша раздумывала лишь пару секунд, а потом вывалила князю всё, что случилось в последние полчаса.

— Тулуп мне! И шапку! – взревел взбешенный Тумановский. – Абрека седлайте! Мишку-псаря ко мне! Живо!

Конюхи и до того вполне расторопно двигались, а поле приказа начали носиться со скоростью молний. Глаша дождалась, когда князь, а за ним несколько крупных лохматых собак, умчался вслед за её непутёвой барышней и, наконец, вернулась в свою комнатку, встала на колени перед образами и принялась молиться.

Конь вёл себя немного странно, но Варя не понимала, в чём дело: жеребец иногда слишком высоко вскидывал ногу, уходя чуть в бок, но потом выравнивал ход.

— Ай, хороший! – приговаривала девушка, приноравливаясь к неровному галопу. – Ай, умница!

До Студёной оставалось всего-ничего, когда неожиданно прямо перед ними пронеслась огромная сова, испугав и Ва-

рю, и вороного. Конь встал на дыбы, подскочил зайцем, скинул наездницу и помчался назад.

— Что же вы все меня покидаете! — девушка ощупала ушибленное бедро и прижала пальцами разбитую и стремительно раздувающуюся нижнюю губу. — Сама дойду, кости целы!

Она встала и осмотрелась: ей немного знакомы были окрестности, и куда идти вроде бы было понятно. Чуть прихрамывая — нога всё же болела — и капая кровью на снег, Варвара шла вперёд, нисколько не труся темноты или лесных чудищ. Ей не впервой было путешествовать по ночному лесу, да и заряженный пистолет давал какую-никакую уверенность, ведь опыт и отцовские наставления внушали непреложное — бояться в первую очередь нужно людей. Прошла она от силы шагов сто, когда почувствовала знакомый холодок в груди. Из темени на неё смотрели жёлтые, ловящие отражение луны глаза. И такие вот встречи тоже уже были в жизни Вари, парализующего ужаса она не испытывала. Волки пока присматривались, нюхали воздух. Медленно, чтобы не вспугнуть хищников, девушка двигалась спиной вперёд к ближайшему дереву, стараясь не завязнуть в сугробах. Главное, не дать себя повалить, а если повезёт, то и вовсе забраться повыше. Почувствовав лопатками довольно мощный ствол, Варя легонько выдохнула — сзади не кинутся, уже дело. Она пошире расставила ноги и, не торопясь, полезла за пазуху. Всего одна пуля дела не решит, первым прыгнет не

самый сильный волк, не вожак, и его смерть стаю не отпугнёт, но рукояткой пистолета хорошо бить по морде. Немного повернув голову, девушка заметила пару сучков, по которым можно рискнуть залезть на эту корявую сосну.

... — Волка терпеливая, — рассказывал ей когда-то Эрге йка-толмач. — На ветку сядешь, ременём себя привязать дерево нада, заснёшь, ага, в пасть не попадёшь. До-о-олго жадать будет волка, ага, всю ночь жадать будет, не уйдёт. Кушать хочет. Залезть не можешь, вот така вставай! — и мужчина прижался спиной к камню, у которого сидел. — Волка ронять тебя будет. Ага. Много ронять.

— А если уронит? — чуть щуря глаза, спрашивала маленькая Варюша. — Вставать и бежать?

— Зачем бежать? Бежать не моги! Волка догонять будет, рвать будет, ноги бысыстрые. Падать не моги — сразу семерть! Стой!..

— Вот и стой, Варвара Александровна! — еле слышно прошептала девушка. — Стой, дура неугомонная!

Варе казалось, что волки без слов и даже взглядов переговариваются между собой, решая, кто укусит сбоку, кто вцепится в руку. Текли секунды, но отважной красавице они казались часами. Крошечные капельки крови слишком раздражили оголодавших хищников, которых, и Варя сейчас вспомнила обрывки разговоров слуг, развелось в этом году больше обычного. Навык не забылся — она уверенно выстрелила в первого напавшего зверя. Он вертанулся в прыжке

веретенном и хлопнулся в снег. Стая отскочила врассыпную, но не ушла, выстрелы были привычны волкам и не пугали.

— Что? – девушка помахала горячим дымящимся дулом перед собой. – Съели? Идите лучше от греха!

— Варя?! – послышался с дороги мужской голос.

— Варвара Александровна! Ау! – вторил другой.

Волки стали отходить и теньями просочились между стволов. Девушка знала, что они потом ещё вернутся сюда и, если только действительно отчаянно голодны, без всякого азарта съедят мёртвого товарища. Обычно волки своих не трогали, прощались и уходили.

Взрывая снег лапами, за стайей понеслись крупные охотничьи собаки, которые не обратили на Варю никакого внимания, а следом подпрыгивая и зарываясь в снег по грудь, прибежали самоеды и начали обнюхивать мёртвого зверя.

— Что, предатели пушистые, совестно стало? Бросили меня одну, а теперь явились? — прохрипела Варвара. — Я здесь! – крикнула она, для верности помахав рукой.

— Варя! – князь Пётр Тумановский собственной персоной пробирался по сугробам к сосне-спасительнице, прикрывшей Варину спину. – Господи, это что? – он замер перед убитым хищником. – Это вы?

— Нет, Петр Кириллович, это волк! – Варя рассмеялась и сделала шаг вперёд, забыв про отбитую в падении ногу. Охнула.

Князь бросился к ней и легко подхватил на руки.

— Держитесь за шею! — зачем-то скомандовал он, пока другой мужчина в меховой шапке внимательно рассматривал застывающую волчью морду. — Алёша, подсоби!

Незнакомец громко свистнул, подзывая свору, и подвёл к Петру широкогрудого каурого жеребца в белых «носочках».

— Тише, Абрек, тише! — уговаривал князь коня, и вместе с товарищем помог Варе взобраться в седло.

— Так ведь Устя в избу пошла, зеркальце, говорит, позабыли! — впечатлительная Маруся прикрыла рот ладошкой. — Никак сгинула!

— Да уж дома, поди, пирогами лакомятся! — взмахнула косой слегка раздражённая Дуня. — Ну так ступайте!

— Куда? — глаза Маруси всё ещё были широко распахнуты.

— Так матушка ж велела? — хмыкнула чернобровая красавица. — Не то погадаем ещё?

Но подружки скоренько попрощались и отправились во-свояси, только Василиса с зарождающимся подозрением всё оглядывалась и оглядывалась назад, пока не скрылась из виду. Дуня зябко повела плечами, потёрлась щекой о мужскую руку, накинувшую на плечи расшитый затейливой тесьмой овчинный полушубок.

— Сделал дело-то? — не отрываясь смотрела она в сторону ушедших девушек.

— Сделал, — глухо ответил мужчина и впился жадным по-

целуем в смуглую стройную шею, – бусы где?

— Петух склевал! – запрокинула голову Евдокия Пантелеевна, позволяя гораздо большее, чем следовало бы честной девице.

— Убью-у-у! – раздался звериный рык за их спинами, и пьяный кузнец, то и дело поскальзываясь и отклоняясь в сторону, направился к парочке. – Шею сломя, курва!

— Не по себе сук рубишь, батюшка! – спокойно ответствовала девушка возмущенному родителю. – Я нынче замужняя жена, а коли благословишь, то и венчаная. – Дуня отпихивала любовника от себя, понуждая к бегству, но тот медлил.

Хмель постепенно выветривался из головы ошарашенного Пантелея, но ярость только увеличивалась, кузнец замахнулся на дочь кулаком, но тут же получил мощный удар в кадык и завалился на спину, со стуком ударившись головой. Дуня ахнула сперва, уткнувшись в грудь стоящему рядом мужчине, а потом, когда поняла, что темное пятно, расплзающееся под черными с проседью кудрями отца, – это кровь, нагнулась к нему и прошипела:

— За матушку тебе, кобель! За сестричек моих, за меня! – дождавшись, когда последнее облачко пара вылетит из открытого в немом крике рта, она выпрямилась. – Ножик кровью замажь и в руки ему. Пусть и мёртвый отвечает.

ГЛАВА 3

Сперва ехали молча. Собаки трусили рядом, привычно сторонясь лошадиных копыт. Лес потрескивал, пошумливал над людьми, всматривался затаёнными среди ветвей и утопленных в снегу кустов глазами сов и беспокойных зайцев. И Варя чувствовала, что пора оправдываться, но не знала, с чего начать. Петр Кириллович избавил ее от метаний:

— Мне придётся объясняться перед гостями за наше отсутствие, но, признаться, я пока не могу выдумать ни одной сколько-нибудь достойной причины, по которой мы так спешно покинули собрание уважаемых людей.

— Но я же вам расс...

— Полагаю, – Пётр отказывался слушать девушку, – что нам нужно сговориться в подробностях. Скажем, что вы в волнении отправились на конную прогулку, что не так и далеко от истины.

— Я...

— Конь, которого вы по легкомыслию выбрали под седло, отличается злобным нравом и оказался не по плечу неумелой наезднице, а мне пришлось выручать её, презрев обязанности гостеприимного хозяина.

— Видите ли...

— И попробуйте только, Варвара Александровна, сказать хоть полсловечка поперек истории! Ясно ли вам?

Варя молча кивнула.

Казалось невероятным, но их не было от силы полчаса, и кутерьма с устройством и переодеванием к ужину отчасти затмила для гостей отсутствие хозяина. Князь провёл Варю до комнаты, стараясь избегать ненужных встреч с приехавшими, что вполне удалось, если не считать возбужденных от любопытства слуг, и вместе с девушкой зашёл внутрь, не заворяя двери.

— Я непременно поговорю с вами по завершению вечера, не ложитесь спать. Буду ждать вас в библиотеке.

— А как же убийство?

— Варвара Александровна, вам бы лицом своим заняться, не то подумают, что я вас... — князь осёкся и с трудом оторвал взгляд от распухшей нижней губы своей невесты.

— Вы меня что? — не к месту хохотнула Варя. — Бьёте?

— Если бы! — загадочно ответил князь и вышел, оставив девушку раздумывать над сказанным.

Варя пожала плечами и принялась раздеваться. Она предположила, что встреча с Петром Кирилловичем, исходя из длительности подобного рода ужинов, может состояться не ранее часа ночи, и вздохнула: снова повела себя необдуманно, но убитая девушка все никак не шла из головы. Мучительно было осознавать, что имея возможность спасти человека, не сумела этого сделать из-за обидной случайности. Минуту спустя вошла Глаша, виновато прятавшая глаза и утирающая распухший нос платочком.

— Барышня, изволите одеваться?

— Жалобщица!

— Экая вы! – горничная отвернулась и громко высморкалась. – А ежели бы несчастье какое? Мне каково жить тогда?

— Глаша! – Варя, наконец, представила, что испытала её верная служанка, и заалела от стыда. – Милая, да если бы не ты! Болталась я б сейчас в волчьем брюхе!

— Господи помилуй! А как же! А пистоль?

— Ну, – хитро улыбнулась юная Шупинская, – одного-то я уложила!

— Говорю тебе, Пётр Кирилыч, промеж глаз! В копеечку попала!

— Так близко ж стреляла, вот и без промаху.

— Э нет! – Алексей взъерошил волосы. – Ежели бы с испугу пальнула, то в грудь или в живот. А она выждала, не струсила. Ну и девка! Ты подумай только, на Булата влезть! Да он никого не подпустит. Ведьма, ведьма, Пётр, поверь моему слову! Ну и девка! – восхищение, сквозящее в речи управляющего, отчего-то неприятно резануло слух князя.

— Вот такая у меня невеста, Алексей Ильич! – поставил точку в обсуждении достоинств Варвары хозяин поместья. – Жду тебя на ужин, Алёша. Не бросай меня одного.

— Утомился я в дороге, да еще погоня эта... Уволь, Пётр Кирилыч, уволь!

— Ладно, ступай поспи. Хорошо, что ранее назначенного

приехал, без тебя всё из рук валится! Круговерть!

— Да уж, как посмотрю, без скуки зажилося вам без меня, ваша светлость!

— Иди уже, подковыра!

— Что ж за красота! Истинная Амордита! – Глаша отступила на пару шагов, чтобы получше разглядеть свою госпожу. Имя богини любви Афродиты горничная знала отлично, но они с барышней как-то, пребывая в веселом настроении, переназвали весь греческий пантеон на свой лад.

— Точно рыбу не подадут? – Варю больше заботил не внешний вид, а шансы не упасть в грязь лицом перед обществом.

— А? Нет! – горничная всхлипнула. – Батюшка ваш не дожил, вот бы восхитился!

В неверном свете десятка свечей перед зеркалом стояла красавица в нежном светло-жёлтом платье. Струящийся шелк тонкими намёками обрисовывал идеальные пропорции, обнажая лишь роскошные, слишком загорелые для приличной барышни плечи, длинную, чуть наклонённую вперед шею – вечную заботу Анастасии Григорьевны, требовавшей правильной осанки, и притягивающую взоры высокую грудь, целомудренно представленную лишь верхней своею частью. Однако всякому, смотрящему на Варвару Шупинскую, было ясно, что пади с неё сейчас платье, и перед публикой предстанет богиня. Прическу Глаша изменила в угоду моде, но

часть кос расплестать не стала, и это придавало облику невесты князя загадочности и оригинальности.

— Ну, если рыбу подавать не станут, то где наша не пропадала! — Варвара набрала в грудь воздуха и с шумом выпустила его: зеркало покрывалось морозным узором, руки девушки гусиной кожей, а с туалетного столика багряным ручьем текли нескончаемые красные бусы. — Нет! Не сейчас! Потом!

— Барышня! Кармину? — спохватилась горничная, чуть не забывшая по всё ещё припухшую хозяйкину губу.

Отрицательно покачав головой, Варя приколола к лифу черный бархатный бант — знак траура, вышла за дверь и направилась в комнату к тёте. Анастасия как раз натягивала перчатки, но не прекратила сего действия, даже восхищенно поцокав языком:

— Хороша! Теперь остается выдержать осаду, а там видно будет. Идём?

Староста тяжело поднялся с места:

— Какого кузнеца... — он горестно вздохнул, махнул рукой и обратился к жене Пантелея: — Помолюсь, помолюсь, матушка за тваво супружника. И с похоронами поможем. Эх, какого кузнеца... С утра людей пришлю, в Макеевку да Суровку за сыновьями твоими послал уже.

— Спаси бог! — глухо ответствовала вдова, вздрагивая от слёзного воя дочери, забившейся в угол.

В Студёной этой ночью многие не спали. Староста ещё не знал, но к нему навстречу уже со всех ног бежал младший брат Усти, растирающий по лицу горячие слёзы. Жених Устины в это время стоял под маленьким оконцем знакомой избы и с ненавистью смотрел, как, не стесняясь его взгляда, скидывает через голову синий сарафан женщина, сломавшая Степану жизнь.

Ступая чинно и придерживая племянницу, которая все пыталась взять с места в карьер, Анастасия Григорьевна внимательно всматривалась в лицо ожидающего их внизу князя. Он стоял у первой ступеньки лестницы и не сводил глаз с Вари, вот только не видела женщина в этих красивых очах ни восторга, ни желания, ни особой радости, разве что удивление и чуточку довольства: невеста выглядит достойно. Они в имении месяц, а никакого намёка на чувства так и не получили. Теперь же, когда по косвенным признакам стало ясно полное равнодушие князя к Варваре, оставалось лишь дожидаться официального решения. Что ж, соберутся, уедут, и вся недолга! Госпожа фон Бедкен вскинула подбородок, и по лестнице две представительницы древнего рода Шупинских спустились истинными королевами.

— Варвара Александровна. Свет ясный! — опередив протянувшего было руку князя, рванул к девушке уездный ловелас и герой девичьих снов Михаил Тятюшев, видный блондин с напыленным вбок коком, который, впрочем, совсем

не портил живого и весьма приятного лица с беспокойными серыми глазами. Еще несколько развеселых годочков и то, что можно было принять за неловкую посадку атласного жилета, превратится в выдающийся животик, но пока мужчина выглядел довольно стройным.

— Позвольте ручку, Анастасия Григорьевна! Впечатлён! Впечатлён! Богини! – от улыбки недавнего знакомого у Варе немного отлегло от сердца. Обрести еще одного, кроме тетушки, союзника на сегодняшний вечер она и не чаяла.

Множество внимательных взглядов сосредоточились сейчас на весьма многообещающем конфузе – князю перебежали дорогу, увели гостью, по слухам, невесту, а та и не против! Кое-кто принялся обмахиваться веером, сгоняя жар от предвкушения скандальной истории. Тумановский славился нелюдимостью и пренебрежением к устоям общества. А оно мечтало ему нахлестать за то по щекам. Чем не случай? Чувствуя спиной, как нарастает гул пересудов, Пётр шагнул наперерез сопернику и, ощутило приложив того плечом о плечо, протянул Варе согнутую в локте руку:

— Прошу.

Поняв, что снова допустила промашку и заметив, наконец, неодобрительные взгляды гостей, толпящихся перед лестницей, Варвара Шупинская вцепилась в князя с такой силой, что он чуть не ойкнул от неожиданности.

— Что же, гости дорогие, пожалуйста к столу! – громогласно объявил Тумановский и первым прошел в распахнутые

двери зала приёмов. Варвара не видела, но еще пара глаз следила за ней с восхищением и без примеси зависти или раздражения – Алексей Ильич, повинувшись безотчётному любопытству, выскочил-таки посмотреть на княжескую невесту при полном параде. А ведь всего за чаем и забежал на кухню. Тихонов проводил глазами светло-жёлтый шелк, сглотнул и медленно, словно боясь расплескать впечатления, вернулся назад, но остановился.

— Беда! – проворчала наблюдающая за ним Агафья, отвешивая сочный шлепок по затылку проштрафившегося помощника. – Кабы барышня была, а то кобылка резвая. Тётка, та вот хозяйка, да больно стара. Ох, беда... Ляксе́й Ильич! – окликнула повариха замершего в дверях управляющего. – Пирога мясного откушай, всё одно со стола есть не станут.

Страхнув с себя волнующее оцепенение, Алексей улыбнулся пожилой женщине.

— Отчего же не станут? О твоих пирогах чуть не всю губернию слава.

— Так уж знамо дело, зелена вина перепьют, не раз уже бывало. Три дня подъедать будем. Бери, на-ко, голодный ить! Да и штофчик твой заветный дожидается. Али разлюбил мою наливочку?

— Штофчик весьма кстати, да. Спасибо, Агафьюшка, кабы не ты, ног не волочил бы! – управляющий отошел в угол, где был устроен столик, не мешавший передвигающейся по кухне челяди.

— А всё потому... — повариха слизнула с деревянного неглубокого черпака соус. — Соли мало! А всё потому, мил друг, что бобылём живёшь. Вон, у Вороновых девка растёт — восемнадцатый годок пошёл, ткни — сок брызнет! Все глазоньки об тебя истёрла, горемычная. И не смотри, что захудалые дворяне, дворни всего-то с пяток, зато детишек родит крепеньких и за хозяйством ходить будет лучше иных.

— Эка тыхватила! Как же я от тебя к другой бабе переметнусь? — с притворным возмущением вскинул брови Алексей. — Нет уж, присушила, прикормила, теперь ни ногой от своей Агафьюшки не ступлю!

— Ой ли! — покачала польщенная Агафья головой. — Гляньте-ка, люди добрые! Не ступнёт он! Я не я буду, коли на Красную горку не оженю тебя!

Глаша с большим трудом застегнула последнюю пуговку на васильковом платье, честно выигранном у барышни на спор. Мадам Ферье обшивала небогатых дворян и хорошо знала цену своим услугам. Добротная одежда, красивые, но не вычурные шляпки, практичные салопы и пелерины, которые можно носить лет пять, а то и более, сделали ей несомненную славу у рачительных матерей семейств. Но это платье было из числа тех, что «французенка», рождённая в Кракове в семье самых что ни на есть поляков, изредка создавала по настроению, потворствуя своей артистической натуре. Варя влюбилась в него сразу, как увидела, а Александр Гри-

горьевич, уставший ждать дочь в карете и обнаруживший ту застывшей перед узенькой витриной, понял, что перекладывать камин в гостиную в ближайшие два, а то и три месяца встанет ему не по карману.

Крестьянская косточка оказалась шире дворянской: платье сильно жало в груди, опасно потрескивал на спине и в подмышках, но Глаша готова была не дышать, лишь бы почувствовать себя благородной барышней. И всё же, основной причиной судорожных коротких вдохов была не одежда, а странное волнение, усиливающееся с каждой минутой. Будто кто дал девушке пригубить колдовского заговоренного зелья. Отмахиваясь от непонятного тумана, Глафира отошла от зеркала крутанулась на месте, полюбовалась ещё, перекадилась несколько раз с носка на пятку и решительно направилась к двери. Пусть хоть одним глазком, но посмотрит на княжеское застолье, пока гости еще не пьяны и не принялись расползаться по дому. Да и поесть не мешало бы. Она как раз спускалась по задней лестнице, как навстречу, продолжая смеяться какой-то шутке, выходил из кухни так испугавший её пару часов назад незнакомец. Русые волосы, красивая бородка и густые усы делали его похожим на русского богатыря, что видела горничная в рисунках какой-то Вариной книги. Волнение от встречи окончательно закружило голову, перебило дыхание. Глаша попыталась вдохнуть глубже, поперхнулась, покраснелась и закашлялась так, что брызнули слёзы. Алексей подскочил к девушке, норовящей упасть

с лестницы, подхватил под локоть и постучал по спине. Глафира, наконец, вздохнула во всю глубину лёгких и... предательский треск ткани разрушил всяческие надежды на приятное знакомство. Она отпрянула к стене, стараясь не показывать разъехавшийся шов, бочком побежала вверх, даже не понимая того, что говорит ей красавец-мужчина. Запершись у себя в комнате, Глаша упала на кровать и проплакала без малого полчаса, пока не иссякли горестные слёзы.

Алексей постоял у двери горничной пару минут, вслушался в рыдания, пожал плечами и направился к себе во флигель, рассуждая о непостижимой сути женщин, которая все больше удивляла его, понимающего толк в многих довольно сложных вещах.

— Не выдаст? — мать с любовью прочёсывала деревянным гребнем иссиня-черные длинные волосы дочери и снова заплетала их в тугую косу. Походила растрёпой перед сочувствующими и хватит. Пора дело делать.

— Стёпка-то? — фыркнула Дуня. — Куда ему — жилка тонка! Да и знает, пёс, что и его с собой утяну.

— С под окон-то ушёл?

— Давно. Как сарафан скинула, так и сбежал, — хохотнула дочь кузнеца, но тут же стала серьёзной. — Скоро ли, матушка?

— Погоди, по Устьке, поди, воют, не ровен час, к нам завалятся.

— Ништо! Грех тяткин, не наш.

Они выждали какое-то время, посидев в едва освещаемой лучиной избе, а потом Дуня засобиралась.

— Потуже платок-то перевяжи. Вот, ага, чтобы только глаза. Ну, с богом, доченька! — женщина троекратно перекрестила надевающую валенки девушку. — Я тебе там и веточку воткнула, где ямка-то. Прямо под камушек и скидывай.

Евдокия Пантелеевна кивнула и, не оборачиваясь, вышла в ночь. В кузне она первым делом проверила все полки, хотя и понимала — отец прятать на виду не станет. Еще полчаса она шарила под горном, разгребала золу, ощупала наковальню и землю под ней, перебрала заготовки, освобождая большой ларь, истыкала железным прутом все углы и со злости несколько раз топнула ногой:

— И-и, батюшка, шутковать вздумал? Всё одно найду!

Оставалась только подклеть, заваленная всяким барахлом. Потерев застывающие даже в варежках пальцы, Дуня открыла дверь и методично принялась разбирать многолетние завалы, пока, вытаскивая обломанную косу, не звякнула ржавым металлом обо что-то в земле. Скинула рукавички и нащупала небольшое сварное кольцо, тайная дверца поддавалась с первого раза, и Дуня извлекла из крошечного подпола кованный сундук и небольшой — в три кулака, горшок, наполненный монетами.

— Век помнить буду, отец родной! — довольно засмеялась Дуня и вынула из-за пазухи мешок, в который стала уклады-

вать находку.

В последний момент она не выдержала и, поддев кованые запоры, открыла крышку сундука, а потом запустила пальцы в свитые комом украшения – серьги, кольца, цепи и ожерелья. Пошарив немного, она потянула вверх круглые холодные бусины, и в лунном свете, пробивающемся через щербатые стены подклети, алым отблеском сверкнули яхонты.

— Истинная кровь! – облизнув пересохшие губы, произнесла девушка и спрятала бусы за пазуху.

ГЛАВА 4

Первые четверть часа, пока гости устраивались за столом и принимались за закуски, Варя плохо понимала, что ей говорят и что спрашивают. Невидимая толстая шапка приглушала звуки, делала неразличимыми слова, и никакие тётушкины щипки и толчки прийти в себя девушке не помогали, потому что прямо напротив неё, у стены, стояли двое крестьян: видный смуглый мужчина, с буйными черными, кое-где тронутыми сединой кудрями, и девушка с испуганными глазами и раскрытым в удивлении ртом.

— Так вот, видите ли, любезная Анастасия Григорьевна, торговать девок по ста рублей, это уже грабёж! Добро бы мужика с ремесленным устройством, тут и четырех сотен не жалко, но девок? Куда её, эту девку в хозяйстве приспособить? Сначала она слишком слаба или ленива, потом она беременна, потом кормит и так постоянно! Нет, я решительно не понимаю нынешних цен! – тучный помещик, сидевший напротив тётушки, возмущенно воткнул вилку в лежащий на тарелке сочный кусок мяса. – Кому сдались эти девки, кроме персон с известными интересами? Что прикажете с ними делать?

— Отпустить? – ни с того ни с сего выпалила Варя, и её реплика прозвучала слишком неожиданно и громко, чтобы остаться незамеченной.

Гости замолчали, уставившись на дерзкую девицу, а тучный помещик, имени которого Варвара не знала, громко захохотал, словно услышал занятную шутку.

— Право, голубушка, осталось только отпустить! Ах, как хорошо сказано, ах-ха-ха!

Анастасия Григорьевна побелела лицом, а князь, мысленно послав на голову девушки несколько проклятий, встал и, обращая внимание публики на себя, громко произнёс:

— Должно быть, вы уже не раз задавались вопросом, что в усадьбе делают очаровательные родственницы моего друга, Александра Шупинского. — Пётр выдержал паузу, наслаждаясь произведённым эффектом. — Настала пора открыто заявить, что мы с Варварой Александровной помолвлены и с высочайшего разрешения государя намерены венчаться. Прошу, душа моя! — князь подал руку невесте, вынуждая подняться с места.

Помедлив пару секунд, Варя вложила свои пальцы в ладонь Тумановского и встала во весь рост, пытаясь улыбаться как можно приветливее.

— Прошу кричать виват даме моего сердца! — шутливо приказал Пётр Кириллович, и слуги тут же бросились наливать и доливать вино гостям.

Поднесла к губам хрустальную рюмочку и Варя, только вот выпить не смогла, наблюдая, как по праздничному столу катятся рубиновые бусины. Одна подкатилась к самому краю и со звонким стуком упала на пол.

— Ну, теперь Варвара, держись только! — наклонилась Анастасия к севшей на место племяннице. — Перемоют косточки твои добела в каждой гостиной, — она заметила отсутствующий взгляд девушки и крепко сжала холодную ладонь. — Милая, сейчас танцы будут, мазурку никому не обещай — невеста уже, а вот в полонезе пройдишь с князем и с кем-нибудь солидным. Да вот хоть с доктором — Иваном Степановичем, вон он, в старомодном фраке, видишь? Уж я его подговорю.

Полные муки тихий стон прервал пылкий монолог: Варвара была сама не своя.

— Да ты в себе ли? — тётка быстрым движением коснулась лба девушки и нахмурилась. — Дурно? Что? Да не томи, Варя!

— Дурно, тётушка, — младшая Шупинская не лгала — комната вертелась у нее перед глазами, к горлу подступала тошнота, мертвые стояли прямо за спинами напротив сидящих гостей и девушка старалась не чувствовать запах крови. — Боюсь, упаду.

— Все только и ждут твоей оплошности, мон ами! — начала волноваться Анастасия Григорьевна. — Вытерпи, умоляю, вытерпи хоть с полчаса и от меня ни на шаг!

За беседой женщин наблюдал Пётр, и от его внимания не ускользнула ни бледность невесты, ни её затравленный взгляд, никак не соответствующий счастливому моменту. Князь неожиданно поднялся и дал знак Харитону. Мажор-

дом вышел в танцевальную залу, и оттуда понеслись звуки популярного в тот год романса.

— Танцевать! – громко хлопнул в ладоши хозяин. – Святки как-никак, пора веселья! – при этом взгляд говорившего не сходил со всё более бледнеющей Варвары. – Анастасия Григорьевна, вы позволите?

Госпожа фон Бедкен внутренне напряглась: несмотря на несколько недель, проведенных под крышей князя, она так и не сумела раскусить этого мужчину до конца, но никаких иллюзий на его счёт не питала. Ей всё более непонятными казались мотивы поступков Тумановского, и все более авантюрной затея с женитьбой. Интуиция подсказывала Анастасии, что её Варенька хлебнет горя с таким-то мужем. Она улыбнулась и кивнула, Пётр протянул ладонь невесте. Стараясь не выдавать своего состояния, Варя поднялась и задела пальцами лежащую через край вилку. Тетка задержала дыхание, однако металлический звон потонул в шуме разговоров и неловко отодвигаемых стульев некоторых, не сильно трезвых господ.

— Один танец, мадемуазель Шупинская, всего один, и вы сможете опереться на свою тетушку в каком-нибудь уютном уголке. Однако смею напомнить, – князь надел на лицо радужную улыбку, – что на вас лежат обязанности, коих никто другой выполнить не может.

— Я понимаю, Пётр Кириллович, – кивнула Варя, – и вполне осознаю свой долг. Не стоило напоминать.

— Вижу, что вам нездоровится, — немного смягчился же-
них. — Подошлю к вам незаметно доктора. Внемлите его со-
ветам, он человек весьма опытный и совершенно не болтун.

Никогда в жизни танец не приносил Варваре столько стра-
даний. Она, любительница плясать до упаду до самого утра
и знавшая в совершенстве самые разнообразные движения,
не раз завораживала публику своим мастерством, но в этот
вечер ни одно па не вышло таким, каким следовало.

— Цыганский медведь и тот грациознее меня, — виновато
проговорила девушка, стараясь не наткнуться на взгляд
князя. - Простите!

— Полно, Варвара Александровна, да тут половина и того
не станцует, что вы нынче исполняете. Полно. Сумете ли вы
поговорит со мною, как мы условились?

— Да, — кротко ответила девушка и с облегчением выдох-
нула, когда отзвучал последний аккорд полонеза.

— Милая моя! — тётушка, внешне невозмутимая, тревож-
но приобняла племянницу за талию. — Ты держалась выше
всяких похвал. Саша гордился бы тобой!

— Анастасия Григорьевна! — Иван Степанович Толстосу-
мов, известный и единственный в уезде доктор, несколько
неуклюже приложился к ручке госпожи фон Бедкен. — Счаст-
лив снова видеть вас! Как ваша мигрень?

— Вашими стараниями, голубчик Иван Степанович! Кап-
ли чудесные! Вот, изволите ли видеть, Вареньке неможется.
Волнение, знаете ли! — тётушка усиленно замахала веером.

— Может, одеколоном виски смочить? Право, не знаю, что и делать.

— Позвольте? — доктор присел рядом с Варей и аккуратно взял её за руку, нащупывая пульс. — Голубушка, да у вас сердечко, что птичка в клетке бьётся! Вам бы не плясать, а в постель и немедленно!

— В глазах света это будет выглядеть...

— Обморок в глазах света куда более приличен?

— Обморок? — тётушка перевела взгляд на распухшую губу Вари.

— Признаться, — доктор немного подался вперёд, — эта мода утягивать в корсете осиную талию пагубно отражается на здоровье! Поверите ли, о прошлом годе доходило до сломанных рёбер!

— О! Я вас поняла, Иван Степанович! Тотчас исправим! Идём же, Варенька!

Сидящий на корточках и дышащий винным духом чернокудрый мужчина убрал руки с коленей Вари и исчез, осуждающе покачав головой на прощание, но девушка пропадать не торопилась. Она летела вслед до самой комнаты, где Анастасия Григорьевна оставила племянницу, чтобы кликнуть Глашу.

— Дуня! — шептала мёртвая. — Это всё Дуня...

— Уйди наконец! — крикнула Варя. — Не мучь меня! Я не могу всюду поспеть! Не могу!

— Барышня? — припухшее лицо горничной показалось в дверях. — Ой, да вы белы совсем! Соли сейчас дам, сейчас!

Вошедшая следом Анастасия с жалостью смотрела на Варю:

— Спускаюсь, попробую отговориться, не помирать же тебе в самом-то деле! Глафира, чаю крепкого подай и корсет расшнуруй. Коли полегчает, то уж будь добра — спустись, мон ами!

Дождавшись, когда шаги тётушки совсем затихнут, Варя вцепилась в плечи горничной, выбив из её рук пузырёк с нюхательными солями:

— Нет моей моченьки! Никогда до того не приходили они так часто и так настойчиво, Глаша! Я уже и не знаю, наяву ли, во сне ли? Весь вечер перед глазами простояли, обвиняют, требуют чего-то. И бусы эти везде, всюду! Не хочу такого больше, не хочу! — девушка прильнула к груди своей наперсницы. — Что ж я, в самом деле ведьма? Нечисть?

— Господь с вами, Варвара Александровна! Какая вы нечисть? — Глаша гладила, гладила спину хозяйки, а потом погрозила кому-то неведомому кулаком: — В этаким-то доме кто хочешь ведьмой станет, ишь, усы распустят свои холёные, ходят, пугают! Да как же! Что же за несчастья-то! Ой, сердечко моё, барышня милая! Я вам из церкви святой воды принесу, наша-то вышла вся.

— Что ж мне, в гостей лить что ли? — выпрямилась Варя, а Глафира вскочила на ноги и встала в позу римского оратора:

— Изыдите, гости дорогие, тошно мне от вас, кыш! И вот этак-то ручкой и махайте, и махайте!

— Вот уж рты пооткрывают от удивления! А я в них водицей! – улыбнулась Варя.

— Небось нечисти повыпрыгивает – тьма! В одном помещике Мамищеве, что вам ручки вечно лобызает, почитай, бесов пять уж точно помещаются! – прыснула Глаша и вслед за нею засмеялась молодая хозяйка.

— Ну? – мать зябко куталась в старый платок. – Отыскала?

— Не то я б не отыскала! – Дуня опустила на лавку с облегчением прижимаясь к стене. – Не врал, батюшка, стало быть.

— Теперича прикопать бы куда, – вдова кузнеца закусил кончик платка. – Понабегут да везде носы посуют. А уж старости первый. Лихоимец проклятый!

— Матушка, – черноокая красавица сдвинула брови, – а коли дознается он? Хватится ведь! Землю взроет.

— Пушай взрывает, ему перед барином ответ за покойников держать, вот уже посмотрим, как взроет! – женщина стояла над телом мужа. Сердобольные соседки быстро, пока не окоченел, помогли его обмыть и обрядить, и теперь Пантелей лежал на застланном простынею столе со свечкой в сложенных на груди руках. Однако женщин присутствие покойника ничуть не трогало.

— Обожди, родная! — обняла худые материнские плечи Евдокия. — Отчитают упыря, и заживём мы с тобою!

— Да пустит ли князь?

— Пустит, все любят золотишко-то.

— Фрол твой не подведёт ли?

— Уж как подвести-то, матушка? — с лёгким возмущением ответила Дуня. — Да дышать без меня не может, света белого не видит. Всё сладится, обожди только. Про Устьку-дурку пытаться начнут, отговорюсь, и начнём, помолясь, к новой жизни готовиться!

— Ох, Дунюшка, да неужели избавились мы от пригнётыша этого? — мать закачалась и, уткнувшись в кулаки, горестно завывала.

Девушка крепче стиснула объятия, пусть выплачет вырванные клоки волос и выбитые зубы, пусть изгонит из сердца горячую обиду за вдовиц и солдаток, которым, не стеснясь жены и детей, Пантелей задирает юбки в своей кузнице, пусть уходит боль. Дуня слизнула первую слезу, а потом перестала сдерживаться — ей тоже было, что оплакать — чуть ниже спины ещё не сошли красные полосы от плетки со свинцовыми бляшками на косицах, а в бане под лавкой всё ещё лежит коса без черенка. Только это грозное оружие, коим пригрозила Дуня обрезать себе шею, коли пьяный отец, возжелавший поучить дочь старым цепом, не выйдет из предбанника, смогло уберечь её в тот день от увечий. Пантелей потом божился, что более и пальцем не тронет свою Дуняшу, да толь-

ко тонули все посулы в кружке с наливкой. Так уж заведено, что в деревне баб бьют смертным боем, чтобы наука была, бьют от тоски и пьянки, бьют от нечего делать, но Дуня так боле жить не хотела. Когда ей выпадала очередь прислуживать в барском доме перед большими праздниками, то мечталось дочке кузнеца о пышных платьях и любезных кавалерах...

Девушку прирезали со спины, такого разбою в Студёной не было пару лет после того, как заезжие лихие люди обокрали мельника и удавили его сыновей. Староста Савелий Игнатьевич обжал бороду и покачал головой: ночка выдалась не дай боже! Князь ему сына не спустил ещё, обещал с Тихоновым переговорить, да нового старосту назначить, а тут ещё страшнее напасть. Кто-то из селян, обступивших мертвую закоченевшую на морозе Устю, вдруг громко спросил:

— Не Пантелей ли девку порешил? Ножик-то у него кровавый был.

Люди зашумели, припоминая, что кузнец терял голову во хмелю, и Савелий Игнатьевич, как хорошая гончая, поднял кверху нос.

— А ведь так и есть, соседushки! Должно руки распускал Пантелешка, да и не стерпел отказу.

Мать Устиньи тихо сползла по стене избы, и младший сын, что бегал за старостой, привлек её голову к себе, словно защищая от беды, в глазах мальчика больше не было слёз, он

наблюдал, как стоящий на коленях перед телом дочери отец бил кулаком в мерзлую землю.

Головная боль постепенно сошла на нет, перестали лезть в глаза красные бусины, и Варя засела в кресло перед камином с новым романом, который отыскала в княжеской библиотеке. Ей нравился запах еще нечитанных книг с неразрезанными страницами. Однако погрузиться в чтение не удалось – лёгкий стук в дверь известил о приходе князя и назначенном разговоре. Варвара вздохнула и, с сожалением отложив томик в тисненном переплёте, встала с кресла. Разговор так разговор!

— Я с тебя за коня, Еремей, ещё взыщу! – потрясая перед вытянувшимся лицом конюха чёрной кожаной камчой, выторгованной у заезжего на ярмарку казака, рычал Алексей. – Без догляду у тебя девки коней крадут?

— Дык барышня-то своя, тутошняя!

— Своя! – передразнил управляющий. – А кабы убилаась до смерти, чья была бы? Ты за Пантелеем послал? Жеребец второй день хромает!

— Да как же послать-то? – конюх развёл руками. – Нету кузнеца, помер. Демьян поутру молока привез из Студёной, сказывал.

— Как это помер? С чего?

— Так в ночь и помер: пьяный у себя во дворе опроки-

нулся и голову зашиб, да только... — Еремей пытался на глаз определить, стоит ли вываливать управляющему всю правду, решился. — А наперёд он девку порешил. Ножиком. Сна-сьльничать, видать, хотел, а та отпираться стала. Вот и...

— М-м-м, — Тихонов потёр пальцами левой руки глаза, — полтора месяца меня и не было всего, а у вас тут черти пляшут. С делами управлюсь, оседлаешь мне Касатку, в Студёную поеду. Булата поберегу.

— Как прикажете!

Шагая от конюшни к своему флигелю, Алексей поймал себя на мысли, что ему чертовски хочется ещё раз увидеть дерзкую Варвару Александровну в чудесном жёлтом платье, от вида которой пропал всяческий сон, и ночь прошла в глупых мечтаниях.

ГЛАВА 5

Князь Пётр Кириллович Тумановский был человеком образованным, начитанным, склонным к прагматичному подходу в решении любых задач, и теперь, стоя перед окном кабинета, выходящим в заснеженный парк, он раздумывал над тем, что рассказала ему Варвара Шупинская. Принять на веру или же списать на счёт болезненного состояния? Не поторопился ли он с объявлением женитьбы? Не было у них в роду умалишённых, не стоило бы впускать подобную кровь. Впрочем, рассуждать здраво мужчине весьма мешало воспоминания о том, как неугомонная Варенька спускалась по лестнице перед званым ужином. Это чудесное видение чуть не свалило его с ног, стоило больших усилий сохранить хладнокровие и не броситься к этой красавице. Холодный, оценивающий взгляд Анастасии фон Бедкен, сравнимый с уша-том ледяной воды, стал неожиданным спасением, и Пётр сумел тогда взять себя в руки.

Однако спустя несколько часов в библиотеке пережитое было волнение вернулось вновь, затмевая первопричину разговора. Варя все время покусывала разбитую нижнюю губу, которую на ужине не заметил разве что слепой. И это механическое, вызванное внутренней тревогой движение зачаровывало князя, а потом девушка подняла на него свои глаза. Колдовские очи затягивали, словно в омуты, вскоре Пет-

ру стало казаться что необыкновенного цвета радужка принялась вертеться вокруг зрачка, а вместе с нею закружилась и голова... А ведь уже и Харитон докладывал пару раз, что, де, барышня Шупинская этак гляючи всю прислугу под себя подомнёт и станет творить, не дай боже, всяческие непотребства. Выяснилось, что Варвара непозволительно сблизилась с конюхами и могла, не спросясь, выбрать любого коня для скоротечных утренних скачек. Князь пригрозил знатной поркой, слуги сочли за лучшее сделать вид, что испугались, и более на просьбы барышни согласиём не отвечали. А сейчас Пётр по одному движению ресниц готов был сорваться с места и заседлать своего Абрека.

— Вы говорить хотели, ваша светлость, — напомнила Варвара, и волшебная дымка рассеялась.

— Да, — князь всё ещё не мог собраться с мыслями и посчитал, что удаление от источника волнения поможет сконцентрироваться.

Он отошёл к стене, полностью закрытой полками с самыми разнообразными книгами, и непроизвольно скрестил руки на груди. Поза эта нынче была особенно модной в свете, ибо придавала облику мужчины печоринской загадочности и байроновского сплина, но князь вовсе не хотел прослыть мятежной натурой, это был естественный жест защиты. Варя улыбнулась одними только уголками губ.

— Так что же, Пётр Кириллович?

— Во-первых, Варвара Александровна, вы совершенно

бессовестным образом свели со двора коня моего управляющего и, не поставив никого в известность, ускакали в ночь.

— Я поставила. Глашу!

— Глашу? Крепостную девку?

— Она вольная!

— Это категорически меняет дело! – фыркнул князь, а Варя покраснела. – И всё же, как вы сладили с этим зверем? Он к себе только Алексея и подпускает, а тут еще захромал. В глаза смотрели?

— Какие глаза? Захромал? – непонимающе вскинулась девушка. – Жеребец смирный, даже ласковый, не знала, что охромевший. Вот, значит, почему на дыбки поднялся.

— Булат? Ласковый? Впрочем... – Пётр повёл плечами. – Зачем? Зачем ринулись вы в Студёную? Да ещё через лес?

— Я уже говорила вам, что видела убийство! – беспокожные пальцы принялись теревить завязки шелкового домашнего платья, более подходящего какой-нибудь московской купчихе, чем молоденькой дворянке. – Девушка в синем сарафане и в яхонтовых бусах.

— Милая Варвара Александровна, яхонты не всякая помещица у нас позволит надеть, а уж крестьянка и подавно. И с чего вы решили, что видение про Студёную не плод вашего живого, как я уже мог убедиться, воображения? Ах, да! Вы же гадали! Какое славное средство предотвращать всякого рода нарушения закона!

— Вольно вам смеяться, Пётр Кириллович! – обида ста-

новилась сильнее, но Варя пока сдерживала себя.

Давешние упрёки тётушки заставили девушку вспомнить, как много зависит от свадьбы с князем. В конце концов не она первая, не она последняя приносит себя в жертву ради близких.

— Я не лгу вам, вы же помните с сыном старосты тогда...

— Удивительное совпадение, не более. Да что же вы не сядете, Варя? В ногах правды нет, – Пётр мысленно отругал себя за невнимательность. – Вы знаете, что скоро наша свадьба, а по дому уже ползут нехорошие слухи, которые приказано Харитону безжалостно пресекать.

— Слухи? – длинные ресницы опустились, и князь разжал занемевшие пальцы: противостоять Вариному взгляду он мог только до боли стиснув кулаки.

— Да, голубушка! Поверьте, среди необразованных людей любое искажение привычного поведения рождает множество самых затейливых слухов. К примеру, вас за глаза кличут скаженной. Как вам? А на балу мадам Коровина мне прямо заявила, что в N-ске вас иначе как ведьмою и не зовут вовсе. Вам дурно? Варя?

Девушка не отвечала. С выражением крайнего отчаяния и брезгливости она смотрела прямо перед собой, отчего-то пряча руки за спину.

— Наказать надобно... не убивец я! – громко шептал источающий скверный винный запах мужчина и пытался ухватить Варю за пальцы. – Накажи её...унесла...золото...

Светловолосая деревенская красавица стояла поодаль и согласно кивала, а тонкая струйка крови, что беспрестанно сочилась у неё из уголка рта, зловеще поблескивала при каждом движении. Варвара замотала головой, отгоняя призраков, но они не уходили.

— Варя? Варенька? Да что же это... Позвать кого? – Пётр присел на корточки перед собеседницей. – Нет? Вы же больны! Нет? Не молчите же, рассказывайте!

Достанет ли у неё сил скрывать каждый раз подобное? Варвара не могла поручиться, что её особенные состояния не напугают жениха и не отвратят от самой идеи венчания, но с каждой минутой желание открыться становилось всё настойчивее. И Варя решилась:

— Вы, должно быть, знаете, что батюшка часто брал меня с собой, если экспедиция предполагалась не слишком суровой? В то лето ничего не казалось сложным или опасным. Глубоко в тайгу отряд не углублялся, обследуя лишь ущелье, точную топографию которого заказали иркутские купцы, решившие начать здесь добычу руды. Так вот, я залезла на скалу, чтобы рассмотреть поближе гнездо незнакомой птицы. Не помню, как и отчего упала, очнулась много позже от боли и запаха – меня лечил местный шаман. Как вы знаете, в тех землях они не редкость. Доктор, что был с отцом, разводил руками и советовал готовиться к неизбежному, но папа отнёс меня на руках в ярангу, так рассказывал Володя. Это мой брат.

Князь кивнул:

– Знаю.

— Уже в N-ске доктора предрекли мне головные боли, потерю памяти и всяческие болезни, а отцу попеняли за обращение к малограмотному язычнику, – Варя вдруг испугалась, что князь тут же отвергнет её и поспешила заверить: – Нет-нет, мигрень и всяческие недомогания беспокоят меня ровно столько же, как и остальных дам, уверяю вас!

— Так что же, выходит, шаман вылечил?

- Должно быть. Но не совсем так. Там была еще тёплая бабушка... Впрочем, это не важно совсем. Вам покажется это странным, но вскоре я стала... видеть мёртвых. Поначалу они являлись редко, пугали, но после беседы с папенькой, который успокаивал меня и настраивал подобно клавесину, я стала стараться не замечать их.

Пётр сел на пол совсем по-мальчишечьи, как сидел, бывало, у ног матери, расчёсывающей перед сном волосы или читающей ему вслух.

Груз мыслей о ночном разговоре не позволил Петру Тумановскому сразу понять, что управляющий помещьем, широко шагающий через весь задний двор к крыльцу, очень встревожен. Через несколько минут Тихонов возник на пороге кабинета:

— Доброе утро, Пётр Кириллович! – сухо поздоровался он.

— Доброе, Алексей. Стряслось чего?

— Убийство в Студёной. Пантелей-кузнец и девушка.

— В синем сарафане? – зачем-то спросил князь.

— Нет, – сбитый с толку Алексей отметил про себя, что хозяин выглядит невыспавшимся и усталым. – Кумачовый с тесьмой.

— Это обнадеживает, – вздохнул то ли с облегчением, то ли с иронией Пётр Кириллович, – рассказывай!

Час спустя, выпуская облачка пара при каждом выдохе, староста Савелий Игнатьевич мял шапку и пытался оправдываться перед князем:

— Так ить отродясь такого не было у нас, ваше сиятельство! Мирно жили, чертей не замали, а они нас. Словно заговорил кто. Сначала сынок мой Матюша охальничать зачал, теперь вот... Уж должно точно черти. Церкву бы нам да батюшку. В Макеевке вон живут-припевают, а у нас... – староста развел руками.

Церковь в Студёной и вправду была разрушена – по одной из вёсен оползла с холма земля, старая кладка треснула и обрушилась. Князь уже привозил строителей и выслушал неутешительный вердикт: храм нужно ставить в другом месте, поскольку образовавшийся овраг будет продолжать расти. Что делать с погостом, пока не решили, а службы проводили в Макеевке.

— Ты мне батюшкой-то зубы не заговаривай! По делу ответствуй! Как сие случиться могло?

— Известно... — Савелий посмотрел снизу-вверх на сидящего верхом князя и сощурил правый глаз от солнца, что придавало лицу хитрое выражение, напрочь лишавшее серьезности слова старосты. — Пантелей ведь как лишнего выпьет, так ведь сам не свой! Вот и полез к девке-то. С посиделок девка шла, Дунькина подружка, Устя. Дунька — кузнецова дочка, стало быть. Так и вот: Устинья охальнику по сусалам и выписала! А тот за нож! Да ведь божий промысел, ваше сиятельство, — староста истово перекрестился, — зашибся душегуб. У себя во дворе и зашибся до смерти — голова, что твой орех треснула. И ножик рядышком лежит, кровавый-то.

— Где?

— Так рядышком с Пантелешкой.

— Сейчас нож где?

— А... Доставим, отыщем и доставим!

— Алексей Ильич, семье девушки выдай мешок муки и мешок пшеничного зерна.

— Как прикажете!

— Вот ведь досада! — Пётр тронул пятками бока Абрека, не удостоив старосту даже словом. — Такого кузнеца лишились! А ведь я задумывал на Пасху Имельским кованую решётку на камин преподнести. И обещался уже. Придется на стороне заказывать. Досада!

Тихонов не ответил: в этой истории ему больше было жаль невинную девушку, однако мнение своё он оставил при себе.

— Фот фед дышегыб! — Глаша заканчивала прическу и говорила, зажав зубами пару последних шпилек. — И божья кара подоспела.

Морщась от невыносимого запаха перегара, Варя старалась не смотреть на кивающего за спиной мужчину.

— А каковой он был? Чернявый?

— Кто? — не отрываясь от своего занятия спросила горничная.

— Ну кузнец этот.

— Откуда ж мне знать, барышня. Хотите, клинку кого, да и спросим?

— Кликни.

Глафира выскочила из комнаты и через пару мгновений вернулась, таща за собой одну из служанок.

— Скажи, милая, ты помершего кузнеца видала? И девушку, что он убил?

— Видала, Варвара Александровна!

— Расскажи!

— Высокий, кожа смуглая, черные кудри. Этак по бокам седые ужо. Плечи, что у медведя.

— А девушка?

— Русая, смешливая. Хорошая была. Устя. Сосватали её, говорят.

— Кому сосватали?

— Стёпке Зольникову. Ладно зажили бы, коли б не померла, — служанка для приличия всхлипнула.

— Ступай!

Служанка, скрывая испуг, юркнула за дверь.

— Так что, барышня?

— М-м-м, не знаю, Глаша. Стоят они не упокоенные за спиною моей. Ни молитвы не боятся, ни брани, ждут.

— А Пётр Кирилыч чего?

— Ох, Глаша, боюсь, что свадьбы мне и вправду не видать. Испугала я его рассказами своими, решит, чего доброго, что ума лишилась.

Не успела Варвара закончить свою мысль, как в дверь постучала тётушка и позвала племянницу прогуляться перед обедом, а заодно обсудить грядущее венчание. Многие гости всё ещё спали, кто-то лениво развалился в креслах малой гостиной, иные требовали рюмочку крепенького. Все берегли силы перед вечером, когда собирались рядиться и колядовать в ближайших к усадьбе деревнях. Уже заготовлены были тулупы и самодельные маски, наряжалась в ленты и колокольцы конская упряжь. Пропуская мимо ушей объяснения Анастасии Григорьевны о платье, Варя куталась в лисью шубку и старалась не смотреть на призраков,двигающихся рядом.

— Дуня... Дуня это...

— Накажи...

— Да ты и не слушаешь меня! – тетушка развернула Варю лицом к себе. – Нет, тебе определённо пора повзрослеть! Разбить губу о дверь в твои-то годы! Варвара, ты невеста,

почти жена, будущая княгиня! Слышишь?

— Угу, — кивнула девушка, не особо, впрочем, вдумываясь в смысл вопроса.

Анастасия Григорьевна вздохнула, и далее две дамы из семьи Шупинских прогуливались уже в полном молчании. Маленькая синичка перелетала вслед за женщинами с сетку на ветку, Варя улыбнулась ей как старой знакомой.

Дуня сразу поняла, что всё найденное в выдолбленную матерью ямку под камнем не влезет. Тогда она высыпала содержимое сундучка и горшка в мешок, туго увязала, утолкала-таки свой клад в тайник и вытянула ветку, что мать воткнула для указания. Бусы остались лежать в кармане: красивые красные камни необыкновенно шли Дуне, и ей жалко было оставлять их на сбережение холодной земле. Дома были две плакальщицы, что только и согласились прийти в дом к убийце, суетились молчаливые сёстры, братья обсуждали, какой инструмент забрать с собой из кузницы и позволит ли это сделать староста Студёной. Отец лежал на столе, как будто слушая причитания, и Дуне казалось, что вот сейчас он скинет с себя белый покров и пустится с хохотом в пляс. В углу, горестно сложив широкие натруженные ладони на коленях и глядя прямо перед собой, сидела мать. Девушка подошла к ней, коснувшись плеча, кивнула. Теперь оставалось лишь ждать.

— Мы можем побиться, что с десяти шагов я в рубль точно попаду!

— Милая Варвара Александровна, да где же это видано, чтобы женщины из пистолетов стреляли? — доктор Иван Степанович успокаивающе погладил себя по животу. — Вы и без того в обмороки падаете как спелые груши. Нет уж, увольте, не приму никогда, чтобы дамы из серьезного оружия палили. Как там поговаривают немцы? Неглупый народ, рачительный.

— Женщина должна позаботиться о четырех вещах — деньгах, одежде, кухне, погребу, — помешивая чай ложечкой ответила Варя. — Странно, что про мужчин никаких прямых указаний нет.

— Долг мужчины ясен изначально, голубушка! — доктор надкусил поданное к чаю воздушное пирожное и замычал от удовольствия. — Продолжить свой род, напитать его силой, защитить. Приумножить богатство, наследство оставить, всех пальцев на руке не хватит перечислить!

— А женщинам, стало быть, только четырёх и достаточно?

— Экая вы цепкая! — засмеялся Иван Степанович. — Уговорите Петра Кирилловича почаще устраивать званые обеды и ужины, такую собеседницу обрел я в вашем лице, что и не описать.

— Уговорите! — фыркнула Варя, но тут же опомнилась и улыбнулась, извиняясь: — Будто он слушает меня.

— Э, никак я вижу в ваших прекрасных глазах печаль? Полноте, Варвара Александровна! Слепому ясно, что князь в вас души не чаёт!

— Вы всё шутите, Иван Степанович! А между тем намерении он меня отчитывал как ребёнка.

— Так ведь право имеет, голубушка, теперь он вам голова, он и суд, и закон. Одно слово – жених. Да что там – муж! – и тут собеседник ловко перевёл разговор на другую тему: – Надеюсь, колядовать с нами поедете? Да? Тогда со мною, я вас никому не уступлю! А госпожа фон Бедкен настроена ли на веселье?

Именно в этот момент, когда под столом Афина слизывала с пальцев девушки заварной крем, Варя встретила глазами с тётушкой.

— Иван Степанович, предлагаю вам договор: я устраиваю предмет вашего интереса к вам в сани, а вы изо всех сил держите её подальше от меня?

— С чего, позвольте спросить, вы взяли...

— Вижу я, что вы только мою тётушку из всех дам выделяете. Она вдова, и ей внимание ваше приятным будет, – Варвара, не мигая, смотрела на доктора, глаза девушки светились необыкновенно, вызывая на лице мужчины неожиданный румянец. – Иван Степанович, голубчик!?

— Выторгую-ка я себе ещё и завтрак с вами. Скажем, после завтра? По рукам?

— По рукам! – хитро прищурилась мадемуазель Шупин-

ская.

ГЛАВА 6

Восторг, вызванный предстоящим колядованием, на короткое время сблизил слуг и господ. Вечером все без разбору грузились в сани, хохоча над грубыми шутками и подначивая возниц ехать быстрее. Сразу несколько разукрашенных троек выехали из ворот усадьбы Тумановских и направились к Макеевке. Глаша, отыскивая в каком-то чулане полуистлевшую кичку, навязала на неё лент, натёрла щеки свеклою и, повязав расписной платок крест-накрест, распевала колядки, половину из которых уж точно никогда не позволила бы себе исполнить перед Варей в обычное время. Сейчас же обе девушки с восторгом глотали морозный воздух и смеялись. С ними в санях очутились ещё две горничных, но они робели и со смущением поглядывали на барышню. К середине пути Глаша сумела завлечь их в сети бесшабашного веселья, и возница, молодой парень, обрадованный девичьим обществом, затанул ритмичную, немного стыдную плясовую песню, которую девушки подхватили, уже не оглядываясь на Варю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.